

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Скелет в семейном альбоме

**Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 80-х**

Геннадий
СОРОКИН

Детектив-ностальгия

Геннадий Сорокин

Скелет в семейном альбоме

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин Г. Г.

Скелет в семейном альбоме / Г. Г. Сорокин — «Эксмо»,
2020 — (Детектив-ностальгия)

ISBN 978-5-04-109340-2

В одном из городов Сибири убита хранительница воровского общака по кличке Шахиня. Исчезла крупная сумма денег. Свидетели утверждают, что за рулем автомобиля, замеченного на месте преступления, находился известный адвокат Машковцов. Следователь Андрей Лаптев, ведущий дело, пытается разыскать Машковцова, но тот исчез. Вскоре оперативники обнаруживают трупы налетчиков, убивших Шахиню. И снова у следствия есть предположение, что к убийству причастен Машковцов. Лаптев беседует с дочерью неуловимого адвоката, и та неожиданно открывает следователю шокирующие подробности личной жизни их семьи...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109340-2

© Сорокин Г. Г., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1. Потерпевшие	6
Глава 2. Место преступления	10
Глава 3. Меморандум	16
Глава 4. Просьба	21
Глава 5. Главный подозреваемый	25
Глава 6. Загадочная болезнь	30
Глава 7. О прошлом и настоящем	37
Глава 8. Испорченный выходной	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Геннадий Сорокин

Скелет в семейном альбоме

© Сорокин Г. Г., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1. Потерпевшие

В четверг телефон, смиренно молчавший весь день, проснулся ровно в четыре часа дня. Я неприязненно посмотрел на него. В кабинете заместителя начальника городского уголовного розыска телефон может звонить с одной-единственной целью – сообщить какую-то неприятную новость. У меня порой закрадывается ощущение, что в мой телефонный аппарат вставлен специальный приборчик, который отсекает всю позитивную информацию. Позвонит приятель в конце недели с предложением попить пива – телефон ему в ответ даст длинные гудки, наберет мой номер дежурный по управлению – линия всегда свободна.

Зловредный аппарат на столе разразился новой, уже более настойчивой трелью. Надо отвечать.

Год назад министр внутренних дел СССР издал специальный приказ – как сотрудник милиции обязан представляться при ведении телефонных переговоров. По мнению министра, я, подняв трубку, должен вежливо и культурно сообщить неизвестному собеседнику: «Капитан милиции Лаптев Андрей Николаевич слушает!»

Ага, разбежался! Пускай министр сам так по телефону отвечает. Я буду более скромн.

– Да! – раздраженно бросил я в микрофон.

Позвонивший мне человек, кто бы он ни был, с первых же слов должен понять, что своим звонком он отрывает меня от важных государственных дел. Любой начальник так поступает, иначе тебе будут звонить все подряд.

– Что ты дакаешь, мать его, приказ министра не читал? – прорычала телефонная трубка голосом моего начальника Малышева. – Собирайся и давай на выезд. У нас три трупа на улице Герцена.

Я вернул аппарат на место. Мой сосед по кабинету Далайханов Айдар осторожно, чтобы не накаркать неприятности, спросил:

– У нас ЧП?

– Три трупа на улице Герцена. Собирайся, съездим, посмотрим, что к чему. Если это бытовуха, то вернемся назад, а вот если началась новая война...

– Быстро что-то для новой войны. Трех месяцев не прошло с разгрома «Борцов». Кто бы новую войну начинал? В городе нет реальной силы, чтобы противостоять Лучику¹.

– Лучик с прошлой пятницы лежит в коме. К нему даже «Скорую помощь» вызывать перестали. Никто из воров уже не верит, что он сможет прийти в себя.

– Свежо предание, да верится с трудом! Его уже полгода хоронят, а он все никак помереть не может. Андрей, почему они своего вожака в больницу не положат? В тубдиспансере уход, медсестры, аппаратура для реанимации, а он все дома лежит.

– Вор в законе должен умереть среди друзей, а не в больничной палате. Ты собрался? Поехали.

Погода на улице была отвратительная. С самого начала месяца стояли холода, а на День Победы вовсе повалил снег. Похоже, в Небесной канцелярии перепутали времена года и вместо майского тепла впустили в Сибирь арктический холод.

– Весна в этом году какая-то учебная, все никак начаться не может, – проворчал Айдар. – Уже середина мая, а ни одного теплого дня не было. Андрей, как бывший сельский житель, скажи, картошку высаживают по числам или по погоде?

Ответить я не успел. Хлопнув дверью, на крыльцо вышел дежурный эксперт-криминалист.

---

¹ Данное произведение является продолжением книги Г. Сорокина «Письмо ни от кого».

– Меня ждете? – нарочито бодрым голосом спросил он. – Я готов. Что обсуждали? Погоду или убийства? В эти выходные я в деревню к родственникам ездил, там все в телогрейках ходят, как в марте месяце. На Первомайские праздники теща думала грядки вскопать, да куда там! Земля все еще промерзшая стоит.

Дребезжа изношенными внутренностями, к нам подъехал автомобиль дежурной части.

– На улицу Герцена, – сказал я, усаживаясь на переднее сиденье «уазика».

– Маршрут знаю, – недовольным тоном ответил водитель.

– Все-то ты знаешь, – взъелся я на ровном месте, – все-то вопросы вы уже в гараже обсудили! Чего ни коснись, у вас уже на все готов ответ. Скажи нам, Герцен кто такой был?

– Друг Ленина, – не задумываясь, ответил шофер. – Мы в школе про него изучали. Герцен ударил в колокол и разбудил Ленина. Потом они вместе революцию сделали, но рассорились, и Герцен уехал в Лондон.

Опровергать оригинальную версию водителя никто не стал, и до самого места происшествия мы ехали молча.

Улица Герцена располагалась в Машиностроительном районе. В начале семидесятых годов микрорайоны в этой части города считались благоустроенными и благополучными. Построены они были по одному типовому проекту: по краям микрорайона жилые панельные пятиэтажные дома, в центре – школа с прилегающим к ней стадионом. Детские сады располагались вокруг школы. Продовольственные и промтоварные магазины занимали первые этажи пятиэтажек. Отдельных зданий для предприятий торговли не строили. В целом все микрорайоны в Машиностроительном районе были похожи друг на друга как близнецы-братья, но каждый имел какую-то свою «изюминку»: большой гаражный массив, кинотеатр, поликлинику или детский городок.

С началом перестройки Машиностроительный район стал приходить в упадок. Оборонные заводы, на которых работала большая часть жителей района, перестали получать гарантированный госзаказ на производство вооружения, уровень зарплаты рабочих пополз вниз, о премиях за перевыполнение плана пришлось забыть. Модное словечко «конверсия» приводило заводчан в ярость: «На кой черт такая конверсия нужна, если на зарплату новые штаны купить невозможно?» Все чаще и чаще в заводских курилках вспыхивали ожесточенные споры между немногочисленными сторонниками перестройки и обычными работягами: «Засунь свою конверсию в одно место! Ее болтуны придумали, которые ничего не понимают в производстве. Легко сказать: выпускайте вместо пушек товары народного потребления! А как ты это на практике видишь? Как ты на расточном станке будешь сковородки выштамповывать? Афера эта конверсия, по-другому не назовешь!»

Местом тройного убийства был второй подъезд давно не отремонтированного пятиэтажного дома. На крыльце и у подъездных лавочек нас ожидали сотрудники районного отдела милиции, немного в стороне от них стоял кинолог с безучастной ко всему служебно-разыскной собакой, немецкой овчаркой.

– Что, дружище, – обратился я к кинологу, – опять никого не нашли? Лужи, грязь, собака след не берет? Ни разу не помню, чтобы от ваших ищеек толк был.

Проводник служебно-разыскной собаки, молодой, недавно вернувшийся из армии парень, заступился за овчарку:

– А куда тут идти, если преступники у самого подъезда сели в поджидавший их автомобиль?

Мы с Айдаром переглянулись. Начало было настораживающим. Если преступники не подготовились к скрытному отходу, то это действовали или взбесившиеся отморозки, поступки которых непредсказуемы, или дилетанты, высчитать логику которых так же непросто.

Из подъезда к нам вышел начальник уголовного розыска Машиностроительного РОВД Вячеслав Сергиев. Я знал его с начала восьмидесятых годов, когда мы вместе работали в мили-

ции Заводского района. Оперативником Сергиец был отменным, и если бы не его постоянные залеты с выпивкой и рукоприкладством, был бы Слава большим начальником, а так, к сорока трем годам, он все еще не продвинулся дальше районного звена.

– Привет городскому начальству! – крепко пожал мне руку Сергиец. – Быстро вы примчались, как будто за углом стояли. Пойдем, перекинемся парой слов.

Мы отошли на детскую площадку напротив дома.

– Кто-то живой остался? – кивнул я в сторону отъезжающей «Скорой помощи».

– Когда налетчики ворвались в квартиру, в ней была девчонка лет двенадцати. Как я понял со слов врача, в нее один из бандитов выстрелил из пистолета, но у него произошла осечка. Андрей, наплюй на девку! Врачи ее транквилизаторами обколют, она в себя придет и все расскажет. Тут не в этом суть! Здесь какая-то чертовщина творится. Я ничего подобного в своей жизни еще не видел. Ты знаешь, кого тут завалили?

– Надеюсь, не продюсера группы «Мираж»? – мягко сыронизировал я.

– А что он плохого сделал? – искренне удивился Сергиец.

– Собрал деньги за концерт, а накануне выступления сгреб своих певичек в охапку и отбыл в неизвестном направлении. Областники стали трясти Госконцерт, а там отвечают, что московская группа «Мираж» в Сибири в этом году выступать не планировала. До сих пор никто не поймет, что за чувихи на афишах по всему городу расклеены.

– Нынешние певички все на одно лицо – поменяй местами, разницы никто не заметит.

– Слава, хрен с ними, с певичками. Ты разобрался с преступлением? Кто потерпевшие?

Сергиец, прищурившись, задумчиво посмотрел на гаражи, заполнившие пространство между школьным забором и трансформаторной будкой, неспешно достал из внутреннего кармана куртки мятую пачку «Примы», закурил.

– Слава, – подстегнул я коллегу, – ты не Станиславский, паузу не выдерживай.

– Налет был совершен на квартиру гражданки Желомкиной.

– Мать его! – с досады я сплюнул под ноги. – Да лучше бы всю группу «Мираж» в этих гаражах расстреляли, проблем бы меньше было. Слава, ты не ошибся, Веронику Гавриловну завалили?

– Ее, родимую. Сходи, сам посмотри. Она на кухне вся изрезанная лежит.

– Ушам своим не верю! Не родился еще на свете псих, чтобы на Шахиню руку поднять. За Веронику Гавриловну братва без базара голову от туловища отделит. Кого еще убили?

– Племянника и соседку по подъезду. Соседку случайно грохнули. Она приоткрыла дверь, чтобы посмотреть, что этажом выше происходит, и схлопотала пулю в лоб.

– Ну и дела! – развел я руками.

– Это еще не все. – Сергиец чиркнул спичкой, прикурил. – Тут, на детской площадке, с самого утра местные алкаши кучковались, ждали, когда винно-водочный магазин откроют. К обеду они набрали денег, похмелились, стали промышлять на новый пузырь, трое пошли в гаражи поискать пустые бутылки, а один, по фамилии Грачев, остался на лавочке. У него ноги больные, с палочкой ходит. Я знаю этого Грачева, лет пять назад он у нас по краже проходил, год отсидел и вернулся. Короче, Грачев божится, что за рулем «Жигулей», на которых приехали налетчики, был адвокат Машковцов.

– Откуда он его знает? – усомнился я.

– Машковцов был у него защитником на суде. Это еще не все. Я позвонил знакомым, они подтверждают, что у Машковцова в личном пользовании был автомобиль «ВАЗ-2105» вишневого цвета. На точно таком же автомобиле налетчики приехали на дело.

– Где Грачев?

– Он слегка пьяненький. Я велел его в отдел отвезти. Посидит в клетке, протрезвеет, к вечеру продолжим беседу.

– Слава, пока областные боссы не приехали, обрисуй в двух словах, что удалось установить?

Сергиец щелчком отправил окурок в гаражи, тыльной стороной кисти отер уголки губ.

– В половине четвертого к подъезду подъехала «пятерка» вишневого цвета. Адвокат Машковцов остался за рулем, а двое его пассажиров, парни лет двадцати пяти, вошли в дом. Вернулись назад минут через десять, у одного в руках была большая спортивная сумка. Убитых трое: любопытная старушка, Шахиня и ее племянник. Денег в квартире нет. Обрез налетчики оставили на месте преступления.

Пообщавшись с местными операми, к нам подошел Далайханов.

– Я все правильно понял: у нас Шахиню завалили? – спросил он.

– Ее, голубушку, – саркастически усмехнулся Сергиец. – Прикинь, с утра была жива-здоровая, а сейчас в луже крови лежит.

– Офигеть! – Айдар сделал вид, что не услышал неуместную колкость. – Как я понимаю, денег в хате нет? Во дела! На какие шиши теперь Лучика хоронить будут?

– Он что, совсем плох? – спросил у меня Сергиец.

– При смерти. Муха ему уже место на Центральном кладбище приготовил и кусок мрамора для памятника заказал... Западлю, конечно, конкретное – единственный вор в законе готовится предстать перед Создателем, а деньги на его похороны какие-то проходимцы свистнули.

– За воров не переживай, деньги они найдут. – Сергиец закурил новую сигарету, но поперхнулся дымом и отбросил ее в сторону.

– Я послал людей к адвокату, – продолжил он. – Чем черт не шутит, может быть, и вправду это он налет на Шахиню организовал.

– Слава, адвокат не мог не знать, что Шахиня являлась хранительницей воровского общака. Кто поднял на нее руку – тот покойник, а кто посмел прикоснуться к общаковским деньгам – тот покойник трижды и четырежды. Ни один человек в здравом рассудке на убийство хранительницы общака не пойдет.

– Кто-то же пошел, – логично возразил Сергиец.

– Не будем зря терять время, – предложил я. – Пока сюда не слетелись все, кому делать нечего, давайте начнем работать. К приезду областников мы должны четко представлять, чем занималась Шахиня в последние минуты жизни и как действовали преступники.

Глава 2. Место преступления

Мы – я, Айдар и Сергиец – гуськом вошли в подъезд, где жила Вероника Гавриловна Желомкина. Дверь в одну из квартир на первом этаже была открыта, в прихожей виднелись следы крови. Из глубины квартиры раздавались мужские голоса. Я решил зайти внутрь, посмотреть, кто из следователей прокуратуры приехал на осмотр места происшествия.

В зале у распростертого на полу трупа пожилой женщины на табуретках сидели двое мужчин: следователь прокуратуры Хомутов и незнакомый судебно-медицинский эксперт. Покуривая сигарету с фильтром, эксперт диктовал: «Подвижность конечностей сохранена. Кожные покровы чистые, на ощупь теплые».

– Привет! – Я за руку поздоровался со следователем и экспертом. – Решили начать с первого этажа? Трупы на втором еще не осматривали?

– Мельком глянул, – ответил эксперт. – Тебя кто из них интересует? Женщина? У нее пять проникающих ножевых ранений: два в живот, два в грудь и одно, полосовидное, в шею. Навскидку дело было так: женщина открыла дверь и получила два удара ножом в живот, но осталась на ногах и попыталась закрыть дверь. Преступники оттолкнули ее и ворвались в квартиру. Следующие два ранения она получила в грудь. Убийца метил в сердце, но оба раза взял ниже, и клинок ножа до сердца не достал, жировая ткань правой груди сработала как буфер. Последний удар пришелся в шею. Женщина умерла на кухне от обильной кровопотери. Из всех ранений смертельное только одно, в области сонной артерии.

– Сколько она прожила после ранений?

– Минут пять-шесть, не больше.

– Ого! Забавная ситуация: Шахиня истекает кровью на кухне, а в это время налетчики шарят по квартире. Интересно, она могла им пару слов сказать?

– Исключено, – заверил эксперт. – Рана на шее у потерпевшей глубокая, кровь из нее шла ровным стабильным потоком. Обычно такое состояние сопровождается рефлекторными действиями травмированного лица – он пытается ладонью зажать рану и остановить кровь. Но все усилия напрасны. Кровь идет, потерпевший впадает в неконтролируемую панику, хрипит, слабеет и теряет сознание. На этом активная фаза, когда человек способен членораздельно говорить, закончена. На все про все – не больше двух минут.

– Так-с. – Я наклонился к телу пожилой женщины, осмотрел рану на лбу.

– Мелкашка, – тоном знатока прокомментировал ранение следователь. – Убойная сила была невелика – пуля осталась в голове.

Оставив следователя и судмедэксперта трудиться над составлением протокола осмотра трупа, мы поднялись на второй этаж. Двухкомнатная квартира Вероники Гавриловны была с левой стороны лестничной площадки. На стене, ведущей от дверей Желомкиной вверх, кто-то выцарапал на известке крупными печатными буквами «Батон козел». В ответном послании, написанном фломастером ниже, Батон написал всего три слова, два из которых были нецензурными.

– Велик и могуч русский язык, – сказал Далайханов, показывая на стену. – Вся экспозиция в одном предложении. Тут тебе и пожелание заняться извращенным сексом, и краткая характеристика личности обидчика, и даже запятая поставлена в нужном месте!

Сергиец взглянул на переписку:

– Эти надписи – верный признак того, что в подъезде живет как минимум один подросток, к которому в гости ходят его ровесники.

– Коллеги, обобщая ваши исследования наскальной живописи, хочу высказать свое мнение: в этом подъезде давно не было ремонта, а жильцам его наплевать, как выглядят места общего пользования.

– Логично, – согласились со мной Далайханов и Сергиец.

Пустопорожние разговоры перед началом работы на месте убийства – это своеобразный ритуал, которым оперативники отсекают мир живых людей от безмолвного царства мертвых. Сколько бы убитых ни видел опер на своем веку, как бы с годами ни зачерствело его сердце, но каждая новая смерть – это стресс, а болтовня на отвлекающие темы – защита от чужой всепроникающей боли.

В узкой прихожей квартиры Желомкиной все было забрызгано кровью, одежная вешалка сдернута со стены, обувная стойка перевернута.

– Да тут целый бой шел! – воскликнул Айдар. – Крепко Шахиня за свою жизнь цеплялась.

Из комнаты, которая по замыслу проектировщиков была залом, к нам вышел участковый инспектор милиции, лейтенант лет двадцати восьми.

– Ты знал, кто здесь жил? – спросил я.

– Нет, – ответил он тоном человека, не чувствующего за собой никакой вины. – Я совсем недавно на этом участке. Жильца с пятого этажа знаю. Выезжал к нему на семейный скандал. На эту квартиру жалоб в опорный пункт не поступало.

– Андрей, почему здесь пол деревянный? – встрял в разговор Далайханов. – В обычных пятиэтажках деревянный пол должен быть только на первом и пятом этажах, на остальных стелют линолеум.

– Этот дом построили в микрорайоне самым первым, – пояснил Сергиец. – Старая серия, здесь даже встроенная кладовка нестандартная.

– Давно тут Желомкина жила? – спросил я.

Участковый глянул в свои записи:

– Почти шесть лет.

– Как раз после второй отсидки заехала, – проявил знакомство с биографией потерпевшей Сергиец.

– Она была судима? – как-то неохотно уточнил участковый.

– Два раза, – ответил я. – И оба раза за нож. Имела покойница обычай своих сожителей насмерть резать. Лейтенант, у тебя не написано, чья это квартира была изначально? Не Желомкиной же? Ей, дай бог памяти, сорок девять лет, два раза по восемь отсидела – на отдельную квартиру ей зарабатывать некогда было.

– Будем выяснять, – откrestился от назойливых вопросов участковый.

Мы прошли на кухню. Шахиня лежала на спине, руки вдоль туловища. При первичном осмотре судмедэксперт растянул халат у нее на груди и оставил его едва запахнутым, так что мы могли видеть фрагмент обвисшей женской груди, покрытый жировыми складками живот и темного цвета плавки, порванные у резинки. Халат, плавки и тело потерпевшей были обильно залиты кровью.

На вид Веронике Гавриловне было лет шестьдесят, не меньше. Годы, проведенные в зоне, преждевременно состарили ее, но в то же время закалили характер Шахини. Властные складки вокруг тонких старческих губ свидетельствовали, что эта женщина умела постоять за себя и была скоро на расправу. Убийцам пришлось немало помахать ножом, пока Шахиня, обессилив, не свалилась на пол.

– Зловредная была тетя, – сказал Айдар, показывая на кривую ухмылку, исказившую лицо потерпевшей в момент смерти.

Я закурил, пробежался взглядом по интерьеру кухни.

Под раковиной стояло наполовину полное мусорное ведро, не прикрытое крышкой. Сверху в нем лежали картофельные очистки, смятая газета, вскрытая консервная банка. Водопроводные краны раковины были объединены воедино самодельным смесителем, на днище раковины – следы ржавчины. Между кухонным столом, покрытым порезанной во многих местах клеенкой, и наружной стеной разместились целая батарея пустых винных бутылок. В

посудном шкафу дверцы просели, одна из ручек была сломана. Холодильник «Бирюса» стоял в углу кухни. В нашем присутствии он перестал рычать, задержался в смертельной агонии и стих, словно умер вслед за своей хозяйкой.

– Убого здесь, как в бичевнике, – вполголоса сказал Айдар. – Я думал, хранительница общака должна жить покруче.

Я усмехнулся:

– Она была *хранительницей* общака, а не его распорядителем. Сейф, в котором хранятся драгоценности, не обязан сверкать свежим лаком. Он должен быть прочным и надежным, а вот с этим у ребят возникли проблемы. Кто-то их сейф ломанул.

– Странное дело, – продолжил Айдар, – у нее наколок нет. Шестнадцать лет в зоне, и ни одной отметинки.

– На правое плечо посмотри, – предложил Сергиец.

Далайханов стянул отворот халата вниз. На правой руке Желомкиной красовался крестообразный шрам, расплывшийся от времени.

– Круто? – насмешливо спросил начальник Машиностроительного ОУР. – Это она во время первой отсидки раскаленным прутком выжгла. Как гласит легенда, после добровольного крещения раскаленным добела железом весь барак стал ее панически бояться. Представь, ей всего двадцать четыре года, в зону заехала за убийство и сразу же всем показала, что жизнь человеческую, ни свою, ни чужую, ни в грош не ставит. Шахиня! Повелительница слабых душ и тел!

– Слава, – прервал я коллегу, – тот, кто ее резал, должен быть весь в крови.

– Ну и что с того? У них машина у подъезда стояла. Приедет домой, переоденется. Или ты на ГАИ намекаешь, могли по дороге тормознуть, а там окровавленный пассажир сидит?

– Я не о том. Смотри сам: два удара в живот – у нападавшего гарантированно брюки в крови. Еще три удара, и он весь в крови, с головы до ног. Все в брызгах: руки, лицо, куртка. После такого кровопролития он так салон в поджидавшем автомобиле перепачкает, что никаким стиральным порошком не отмоешь. Отсюда мораль – машина у них была левая, одноразовая, скорее всего, угнанная.

– Андрей, да после убийства Шахины им все равно в городе не жить. Если нападение на нее организовал адвокат, то ему по-любому пришлось бы подаваться в бега, а на машине далеко не уедешь: не менты, так бандиты вычислят.

– Ты опять не уловил мою мысль. Адвокат – человек опытный, он знает, сколько крови будет на человеке с ножом, а значит, он изначально жертвует автомобилем. Своим или чужим, без разницы. Заляпанный кровью автомобиль – это голимое палево, передвигаться на нем по городу нельзя. После нападения прошло больше часа. Даю гарантию, они уже скинули «Жигули», и если хорошо поискать, то можно найти эту «жигу» где-нибудь в городе.

– Машину могли поставить в съемный гараж, и теперь ты ее долго искать будешь.

– Переодеваться убийца тоже в гараже будет?

– Ведро воды, свежая одежда, и привет! Бери билет на поезд до Сочи и жди встречи с теплым ласковым морем.

– Они могли в салоне клеенку на сиденья постелить, – предположил Айдар.

– Не пойдет, – возразил я. – Преступники садились в автомобиль впопыхах, тут никакой целлофан не поможет, где-то да мазнешь кровью. Я считаю, что сейчас надо искать автомобиль, а уж от него выстраивать цепочку к убийцам.

– Андрей, чего ты привязался к этим «Жигулям»? – возмутился Сергиец. – Скинут они тачку, и что с того?

– Тогда вернемся к началу разговора, – продолжал упорствовать я. – На кой хрен адвокату свою «пятерку» палить, если на один раз машину просто угнать можно?

Со стороны могло показаться, что я и Сергиец играем в «глухой телефон» – он говорит одно, я – другое, и вместе мы не слушаем друг друга. Но Айдар, не вмешивавшийся в наш спор, быстро вычленил из него здоровое зерно. Тезис-антитезис-синтез. Далайханов синтезировал мысль, витающую в воздухе, в здоровое предположение:

– Я вам вот что скажу, мужики. Давайте предположим, что был у нас адвокат, который решил круто поменять свою жизнь. Он нашел двух отморозков и организовал налет на Желомкину. После убийства отвез их в гараж и убил обоих. Переоделся, изменил, как мог, внешность и – на вокзал! А можно на автобусе доехать до Новосибирска и пуститься в путешествие по Транссибу. Хочешь, на юг мотай, а хочешь – на Дальний Восток. Весь мир у тебя в кармане! Денег с собой – полная сумка, в любой точке Союза можно осесть и новую жизнь начать.

– И что с того, что он грохнул поделщиков? – не уловив нового поворота событий, спросил Сергиец. – Ты кого предлагаешь в первую очередь искать: людей или машину?

– Кончай диспут, пошли в зал! – приказал я.

Я и Сергиец вышли из кухни первыми, а участковый на выходе остановил Далайханова и тихо спросил:

– Так кого убили-то?

– Хранительницу воровского общака.

– А кто она такая?

– Идиот, – обругал его Айдар. – Газеты перед сном читай, может, немного умнее станешь. Сейчас даже первоклашки про общак знают, а ты – ни в зуб ногой. Иди в медвытрезвитель работать, там служба попроще – шмонай пьяных да выходи на службу сутки через трое.

Гостиная квартиры Желомкиной была обставлена как спальня, а смежная с ней, тупиковая, комната была залом. В гостиной-спальне вместо дивана стояла двуспальная кровать, в углу, у выхода на балкон, на тумбочке с растрескавшейся полировкой, красовался новенький японский телевизор. Судя по расположению подушек и выпарканной побелке, Шахиня любила просматривать телепередачи лежа на кровати. Вторая кровать, узкая односпальная, была аккуратно заправлена. Рядом с ней стоял стул, на спинке которого висели хлопчатобумажные колготки с вытянутыми коленками, поверх них – атласный пионерский галстук. Остальную одежду вернувшаяся из школы девочка убрала в шкаф.

На стене, над кроватью девчонки, был приклеен липкой лентой плакат фальшивой группы «Мираж» – две длинноногие девушки в коротких юбках, волосатый клавишник и два гитариста. Девушки с плаката весело улыбались, мол, ловко мы обули вас, граждане?

Во второй комнате, рядом с входом, лежал труп парня неопределенного возраста. Как у всех пьющих людей, лицо его было отечным, испещренным рано появившимися морщинами. Племянник хранительницы общака был убит выстрелом с близкого расстояния. Кучный заряд картечи оставил в его грудной клетке входное отверстие размером с детский кулак. Смерть племянника была мгновенной и безболезненной.

Само орудие убийства, обрез одноствольного охотничьего ружья, валялось в правом углу комнаты.

Я сделал шаг вперед, прикинул, как было дело.

Услышав шум в прихожей, племянник бросился в зал. Убийца опередил его, вскинул обрез и выстрелил. Второй раз, по девчонке, он стрелять не стал, а отбросил обрез в сторону. Почему он так странно действовал? Пока неясно. Возможно, у него был всего один патрон, а может быть, он просто не хотел упускать время на перезарядку оружия. Что дальше? Судя по словам девчонки, этот же преступник стреляет в нее из какого-то другого оружия, скорее всего, из того мелкокалиберного пистолета, из которого они при отступлении убили старушку на первом этаже. Но все это только предположения. Пока понятно только одно – после единственного выстрела из обреза преступник выбрасывает его. Обрез, как и автомобиль, был в налете вещью одноразовой.

Я обошел труп, остановился на середине комнаты. Стоявший за моей спиной Сергиец, независимо от меня, предположил:

– В момент нападения племянник лежал здесь, на диване. Услышав вопли Желомкиной, он вскочил, бросился на помощь, но наткнулся на бандита с обрезом. Где, интересно, в этот момент была девчонка?

Его вопрос остался без ответа. Лично я даже предположения не стал строить, где стояла или сидела девочка в момент нападения. Комната, где убили племянника Шахини, была просторной и вытянутой в длину. Здесь не одна девчонка, здесь пять школьниц встанут на расстоянии метра друг от друга, и еще на пару человек места хватит.

Диван, на котором лежал племянник, имел выпуклое днище. Обычно в этой нише хозяева хранят постельное белье для того, кто спит на диване.

Я приподнял сиденье дивана. Ниша была пуста. Айдар распахнул дверцы платяного шкафа, к ногам его вывалилась подушка в засаленной наволочке.

– Похоже, – я вернул диван в исходное положение, – племянничек спал на общаке. Здесь, в этой диванной нише, воры и хранили сумку с деньгами.

– Смотри, Андрей, остатки былой роскоши. – Сергиец показал на книжный стеллаж, одну из полок которого занимали фарфоровые фигурки.

– Что читал покойный?

Я пробежался по книжным полкам. Приключения, фантастика, два исторических романа, продававшихся исключительно в обмен на макулатуру. Томик стихов Есенина, книга Шолохова «Поднятая целина», материалы XXV съезда КПСС, школьные учебники за пятый класс. На стене, рядом со стеллажом, изолентой синего цвета был прикреплен большой плакат – Арнольд Шварценеггер в образе Конана-варвара. Между стеллажом и наружной стеной стоял черно-белый телевизор на длинных ножках. Сверху телевизор был накрыт льняным полотенцем.

«Девчонка мечтала стать популярной певицей, а племянник Шахини мнил себя героем фантастических боевиков. Каждому свое, у каждого свой кумир для подражания. Но если у девчонки все еще было впереди, то племянничек явно упустил шанс накачать могучие мышцы. Дешевое вино – это не анаболики, портвейном мышечную массу не нарастишь».

– Андрей, подойди сюда, – попросил Айдар.

Он стоял у письменного стола, на котором были разложены учебники и тетрадки.

– Смотри. – Далайханов показал на раскрытую тетрадь в клеточку. – Девчонка в момент налета делала уроки по математике. Она начала решать задание и бросила на полдороге.

– Аккуратная девочка, – заметил я. – Она резко вскочила, но стул не перевернула.

Я закрыл тетрадку, прочитал на обложке: Кислицына Лена.

– Слава, у племянника Шахини как фамилия была?

– Желомкин. Он сын ее брата.

– Черт возьми, а девчонка-то тогда кто такая?

И участковый, и Сергиец пожали плечами – понятия не имеем.

Я открыл ящик письменного стола, порылся в нем и нашел то, что искал, – песенник. Толстая общая тетрадь, украшенная цветочной аппликацией и нарисованными от руки котятами. На внутренней стороне обложки тетради красивым девичьим почерком было выведено: «Песенник Лены К. Только для друзей».

– Чего нашел? – заглянул ко мне через плечо Сергиец. – У моей дочки такой же есть.

– У всех девочек в этом возрасте есть песенник – душа и сердце любой школьницы, хранилище сокровенных тайн и любовных мечтаний.

Я вышел на середину комнаты.

– Итак, господа, что мы имеем? Ваши версии, догадки, предположения?

Сергиец вышел в зал, вытянув вперед руку, вернулся.

– Бах! – Он изобразил выстрел. – Племянник Шахини падает. Девчонка вскочила из-за стола и бросилась в угол к стеллажу. От стола бежать ей больше некуда. Преступник отбрасывает обрез, достает пистолет и стреляет в девчонку. Осечка! Он решает не добивать ее, а идет к дивану, в котором хранится сумка с деньгами.

– Позволю предположить, – сказал Айдар, – что девчонка упала в обморок, вот он и не стал больше с ней возиться. Следов ее падения нет, но она могла плавно опуститься на колени, а потом уже распластаться на полу.

– Отлично! – согласился я с коллегами. – Вся обстановка в комнате говорит о том, что в ней ничего не искали: все вещи на месте, не разбросаны, дверцы в кладовку и одежный шкаф закрыты. Отсюда мораль: преступники совершенно точно знали, где у Шахини хранится общак. Они действовали в одно касание – пришел, увидел, победил.

– А еще они точно знали, – дополнил Сергиец, – сколько человек находится в квартире и кто они такие.

– Шахиня сама открыла дверь, – продолжил я. – Первый из нападавших был ей знаком, она не боялась его.

– Она его не боялась, а он пришел ее убивать, – подвел итог нашей реконструкции событий Айдар.

В прихожей громко хлопнула входная дверь, раздался шум, послышались властные голоса. Судя по шагам, большая часть приехавших пошла на кухню – посмотреть на убитую Шахиню, а один человек, не останавливаясь, сразу прошел к нам. Это был начальник уголовного розыска городского УВД Малышев.

– Ничего не нашли? – спросил он. – Я так и думал. Не для того налетчики на убийство Желомкиной пошли, чтобы общак на месте оставить.

Я отвернулся к окну, незаметно для всех сунул песенник за пояс. Пригодится!

– Андрей Николаевич, ты чего там увидел? – спросил раздраженно Малышев. – Хватит в окно глазеть! Поезжай в управление, бери Ключникова и садись за аналитическую справку. Примерная картина преступления тебе ясна? Чтобы к вечеру справка была у меня на столе!

– Николай Алексеевич, а вечер у нас во сколько наступает?

– Часам к восьми сделай. До восьми я смогу держать оборону, а там придется на вопросы отвечать... Слава, Сергиец, сгребай всех своих людей – и давай на поквартирный обход. Если кого не застанете дома, выведите отдельную справку, завтра участковых пошлем. Айдар, останешься со мной. Да, еще, Андрей Николаевич! Вернется Клементьев, пусть собирает всех свободных оперов – и на отработку территории. Всех сюда, всех! Нынче здесь работы привалило – непочатый край. До утра не разгребем.

На выходе из подъезда я столкнулся с прокурором города Воловским. Мы сухо поздоровались и разошлись, каждый своим путем.

Глава 3. Меморандум

Работать над составлением справки-меморандума я и оперуполномоченный Ключников сели в моем кабинете. На Веронику Желомкину у Ключникова оказалось всего две карточки.

– Ничего не понимаю, – сказал я, повертев одну из карточек в руках. – Она – хранительница воровского общака, а на нее в наших учетах почти ничего нет?

– Андрей Николаевич, давай разберемся, что и как.

Ключников сел напротив меня, поправил на носу очки в тонкой оправе.

– Кто такая хранительница общака? Да никто по большому счету. Она не имеет никакого права прикасаться к общаковским деньгам. Она даже не имеет права расстегнуть сумку с деньгами. Ее дело – содержать общак в целости и сохранности. Хранительница общака не принимает никаких финансово-управленческих решений в отношении хранящихся у нее денег. Как я помню, у тебя по оперативным учетам числится содержатель конспиративной квартиры. Ты же не посвящаешь его в свои оперативные дела. Содержатель конспиративной квартиры даже не знает, с кем ты встречаешься у него дома. Тут то же самое. Не дело Желомкиной знать, что хранится в сумке у нее дома. Ее прямая обязанность – в любое время суток у себя дома представить распорядителю общака возможность пополнить кассу или изъять из нее требуемую сумму денег. На этом – все!

– Кто сейчас распорядитель общака? – уточнил я.

– Ключар, он же, по паспорту, Самуил Иосифович Кац.

– Еврей, что ли?

– У воров нет национальностей.

– Я много слышал о Желомкиной и думал, что она более видная фигура в преступном мире. Так, в порядке консультации, давай-ка пробежимся по общаку. Кто его пополняет?

– Все до единого представители преступного мира. Каждый вор, бандит или мошенник обязан ежемесячно делать взнос в общую кассу. Уважительной причиной не пополнять общак считается полное отсутствие денег.

– Сейчас власть в преступном мире фактически принадлежит Почемучке. Он имеет право изъять из общака некую сумму денег и распорядиться ею по своему усмотрению?

– Нет. Общак – это общие деньги, а не личный кошелек лидеров преступного мира. Чтобы принять решение об оплате неких услуг из общака, Почемучка должен собрать сходняк из уважаемых авторитетов преступного мира. Бесспорно, если он предложит выделить десять тысяч на подкуп нужного чиновника, то возражать никто не будет. Даже интересоваться, зачем нужно подкупать этого чиновника, никто не станет, но обычай должен быть соблюден. Андрей Николаевич, Ключар по личному указанию Почемучки деньги из общака брать не станет. Он головой отвечает за них.

– Вернемся к Шахине.

– Шахиня, она же, по паспорту, Вероника Гавриловна Желомкина, тысяча девятьсот сорокового года рождения, уроженка города Искитим Новосибирской области. У меня записи в отношении нее начинаются с тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года.

– Примечательный год: Брежнев пришел к власти, Желомкина начала действовать.

– В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году Вероника Желомкина, в возрасте двадцати четырех лет, зарезала своего сожителя. Причина конфликта – ревность. В карточке по ее учету ничего не сказано, кто кого приревновал. Наверное, Желомкина своего хахала с бабой застукала. За убийство на почве личных неприязненных отношений она была осуждена по статье 103 УК РСФСР к восьми годам лишения свободы. Срок отбыла от звонка до звонка. При освобождении поменяла имя на Вероника.

– В смысле, поменяла?

– При рождении ей дали имя Вера, но она всегда себя называла Вероникой. Отбыв срок, она попросила начальника колонии изменить ее имя в документах с Веры на Веронику.

– И что дальше?

– По выходу из колонии Желомкиной выдали на руки справку об освобождении, где ее имя было записано как Вероника. На основании этой справки она получила паспорт и официально стала Вероникой.

– А если бы начальник колонии ее Прасковьей записал или Акулиной?

– Была бы Акулина. Здесь вот в чем суть, Андрей Николаевич. Как я думаю, начальник колонии и Желомкина имели между собой определенные договоренности: она не поднимала смуту, не мешала работе лагерной администрации, а он шел ей на уступки в мелочах. При освобождении Шахینی в административно-учетной части колонии в ее личное дело вложили справку, что паспорт Желомкиной утерян, и выдали ей документы на имя Вероники. Тут ничего особенного нет. Жизнь за колючей проволокой имеет свои особенности.

– Давай дальше!

– Один момент! В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году, во время отбытия наказания, Желомкина родила девочку. Ребенка у нее изъяли и поместили в дом малютки, а позже перевели в детский дом. О дочери Вероники Гавриловны у меня только одна пометка – она была убита во время пьяной драки в тысяча девятьсот восьмидесятом году.

– Никто не интересовался у Желомкиной, от кого она родила?

– Андрей Николаевич, рождение ребенка в женской колонии – это ЧП! Руководство колонии пойдет на все, чтобы замять инцидент.

– От кого она могла забеременеть?

– Скорее всего, от кого-нибудь из работников лагерной администрации родила. Причем родила целенаправленно. Ее ведь могли заставить аборт сделать.

– Пошутил, что ли? Она себе крест на плече каленым железом выжгла, кто бы ее к аборту принудил? Забавная сложилась бы ситуация, если бы она от самого начальника колонии родила.

– Все может быть. У меня есть фотография из ее личного дела тех лет. Показать?

Ключников вытащил из конверта черно-белую фотографию, протянул мне. Я посмотрел на оборотную сторону фотки. 1970 год. Желомкиной было уже тридцать лет, но выглядела она неплохо: приятные черты лица, волнистые темные волосы до плеч. Обычная женщина, по виду не скажешь, что опасная преступница.

– Александр Лукич, а как там, в зоне, мужики, зэчки...

– Я тебя понял, сейчас расскажу. Был у меня знакомый. Он раньше работал начальником штаба в женской колонии. Он говорит, что за все время службы ни к одной осужденной не прикоснулся, а мог бы каждый день женщин менять. Сам посуди, любой начальник в колонии может облегчить условия отбытия наказания. Например, вместо работы на промзоне назначить вечной дневальной по штабу. Посылки, свидания, новое нижнее белье. Все ведь от человека зависит. Если начальник отряда похотливый малый, то все новенькие женщины через его кровать пройдут.

– Вернемся к Желомкиной.

– В тысяча девятьсот семьдесят пятом году, в возрасте тридцати пяти лет, Шахиня осуждена во второй раз. Срок – восемь лет, статья 108 УК РСФСР, часть вторая. Во время пьяной ссоры зарезала своего нового сожителя. Освободилась в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году. В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году Ключар предложил ей стать хранительницей общака. С тех пор она нигде не работала, вела праздный образ жизни.

– В чьей квартире она жила?

– После освобождения она встретила с Лучиком. Похоже, что они были давно знакомы, и он обеспечил ее жильем.

– Блин, что у нас за страна! Вор в законе квартиры распределяет, сотрудники женских колоний свой личный гарем содержат...

Тут я на полуслове прикусил язык. Мне-то квартиру тоже левым путем сделали. Если бы не Валентина Павловна Журбина, ютился бы я в семейном общежитии до самой пенсии.

– Александр Лукич, в момент нападения в квартире Желомкиной находилась девочка двенадцати лет. Зовут ее Кислицына Лена. По всем признакам девчонка жила у Шахины и была членом ее семьи. О ней есть какие-либо сведения?

– Ничего нет. Племянник Желомкиной тебя интересует? У меня на него отдельная карточка. Тут, правда, три строки. Племянник – это сын ее родного брата. Брат помер в местах лишения свободы, сам племянник судим за воровство. Освободился в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году и переехал к тетке на постоянное место жительства. В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году получил вторую группу инвалидности.

– Как я понимаю, у племянника была хорошая работа – день-деньской валяйся на диване, сторожи сумку с деньгами. Справку об инвалидности ему тоже Лучик сделал?

– Конечно. Если бы не инвалидность, его надо было бы сажать за тунеядство. Он же после освобождения ни дня не работал.

– Желомкина была хранительницей общака на платной основе?

– Двести рублей в месяц ей и пятьдесят – на племянника.

– Хорошие деньги, а в хате, там, веришь, хаос и разруха. Ну, не совсем хаос, а так, ниже среднего. Единственная ценная вещь в квартире – японский телевизор. Еще надо отметить, что Шахиня на девчонку денег не жалела. Письменный стол у нее практически новый, в шкафу хорошие платица. Черт возьми, у хранительницы воровского общака в квартире живет неизвестная девочка, и никому нет дела, чей это ребенок!

– Сейчас выяснится, кто она такая.

– У тебя все? Оставляй все материалы, я сяду за текст меморандума.

– Малышев сказал, чтобы ты сам на печатной машинке не долбил, а шел к машинистке.

– Какая машинистка, ты на время посмотри! Она уже давно домой ушла.

– Николай Алексеевич велел ей быть на работе до тех пор, пока ты меморандум не составишь. Иди к Татьяне, будешь ей диктовать, а она будет печатать.

Я сгреб все бумаги и пошел к нашей машинистке Татьяне Кузнецовой.

Секретарь-машинистка уголовного розыска, допущенная к работе с секретными документами, имела в нашем управлении отдельный крохотный кабинет. Кузнецовой было двадцать шесть лет, из них она лет пять работала у нас. Татьяна была девушкой невысокого роста, с фигурой «песочные часы» – грудь четвертого размера, ярко выраженная талия, плавно переходящая в крутые бедра. Светлые волосы немного ниже плеч она закалывала за уши, что придавало ей вид провинциальной девушки-простушки. С мужчинами Татьяна была осторожна. Как-то Малышев на работе справлял свой день рождения. Улучив момент, я затащил Кузнецову к себе в кабинет, где стал пылко целовать ее, но не продвинулся дальше расстегнутой блузки. Словоохотливая после спиртного, Татьяна откровенно объяснила мне свои принципы: если у меня серьезные намерения, то она готова хоть завтра переехать ко мне домой, а если нет, то и начинать не стоит.

– Ты меня ждешь? – спросил я, войдя к Кузнецовой.

Машинистка обернулась.

– Андрей Николаевич, – обиженно сказала она, – где вы ходите, давайте работать! Если мы станем время тянуть, я только ночью до дому доберусь. Вы готовы?

– Погоди, что значит «готов»? Я же не автомат по производству меморандумов. Я живой человек, мне надо сосредоточиться, собраться с мыслями. Сегодня я полдня по трупам ходил, а ты хочешь, чтобы я сел рядом и начал диктовать, как Лев Толстой своей жене.

Я зашел Кузнецовой за спину, положил руки ей на плечи.

– Вставляй в машинку листок, печатай: «Совершенно секретно, экз. единств».

Лист у Татьяны уже был вставлен. В два касания она отпечатала текст.

Мои ладони, прижимаясь к телу девушки, скользнули с ее плеч под блузку.

– Андрей Николаевич! – Она, не оборачиваясь, прижала мои ладони к себе. – Давайте не будем отвлекаться! Мне домой надо, а Малышев меня работой нагрузил.

– Вот и я про то. – Мои ладони скользнули ниже, под чашечки бюстгалтера. – Если мы будем отвлекаться, то к назначенному сроку не успеем... Невинный массаж поможет мне сосредоточиться. Таня, печатай дальше.

Выбор у машинистки был невелик: либо бороться с моими руками, либо печатать. Она выбрала меньшее из зол и застучала по клавиатуре. Так мы и работали: я, стоя у Татьяны за спиной, диктовал текст, она, не обращая внимания на мануальный массаж груди, печатала.

«По имеющимся у нас сведениям, преступников, совершивших нападение на квартиру гражданки Желомкиной В. Г., было трое. Они прибыли к дому потерпевшей на автомобиле «ВАЗ-2105» вишневого цвета... Нападавшие были вооружены холодным и огнестрельным оружием. На месте происшествия был изъят обрез одноствольного охотничьего ружья... Дверь в квартиру нападавшим открыла сама потерпевшая, что позволяет сделать вывод о ее личном знакомстве с одним из бандитов».

Невинным приставанием к машинистке я ничего добиться не хотел. Как только меморандум будет готов, мне надо будет нести его к Малышеву. Пока я буду ходить туда-сюда, Татьяна сбежит домой. Спрашивается, зачем я приставал к девушке? Ответ: так же интереснее диктовать, чем сидеть рядом с ней, уткнувшись в бумаги.

«Внутренняя планировка квартиры гражданки Желомкиной соответствовала безопасному и конфиденциальному хранению денежных средств, собранных в общее пользование преступным миром нашей области. Когда распорядитель общака Ключар (Кац С. И.) приходил пополнить или изъять наличные средства, то он оставался с деньгами наедине в непроходной комнате, что исключало появление посторонних лиц в момент его работы с деньгами. Перенесение спальни в гостиную, судя по всему, было так же продиктовано мерами безопасности: и бодрствующая, и отдыхающая, Желомкина всегда могла контролировать перемещение людей к месту хранения общака».

Закончив печатать, Кузнецова встала, всем своим видом показывая, что она больше ни минуты не останется в управлении. Но я-то не спешил! Я обнял девушку, прижал к себе.

– Таня, давай один раз поцелуемся, и я пошел! – прошептал я.

– Андрей Николаевич! – Машинистка, защищая свою неприкосновенность, уперлась ладонями мне в грудь. – Забирайте бумаги и идите к Николаю Алексеевичу, он уже давно вас ждет.

– Таня, я сейчас вспомню, что надо допечатать три абзаца, и мы снова сядем за работу. Таня, один раз – и я пошел!

– Какой вы настырный, Андрей Николаевич!

Она убрала руки и позволила себя поцеловать. Теперь, с чувством выполненного долга, можно было идти к начальнику, отчитываться о проделанной работе.

Ознакомившись с меморандумом, Малышев запротестовал:

– А где здесь об адвокате Машковцове?

– А что я о нем буду писать? Что некий пьяница опознал в одном из налетчиков своего бывшего адвоката?

– Вот черт, ты же не знаешь последних известий! – Малышев глубоко вздохнул, посмотрел мне в глаза. – Адвокат Машковцов исчез. Вышел утром из дома на работу и пропал. В юридической консультации не появлялся, в суде сорвал уголовный процесс. Его автомобиль в гараже отсутствует.

– Обалдеть! Чудны дела твои, Господи! Неужели у нас адвокаты стали свои банды создавать? Тут что-то не так. Не мог адвокат засветиться на месте совершения преступления. Он же не дурак сам на дело идти. На своей машине. Без алиби.

– Как бы то ни было, Машковцов исчез. Обыск у него дома ничего не дал. В гараже также ничего противозаконного нет. Родственники клянутся и божатся, что понятия не имеют, где их глава семейства может находиться.

– Я завтра поработаю со свидетелем Грачевым, уточню, по каким приметам он опознал Машковцова.

– Андрей Николаевич, я думаю, что завтра с тобой захотят встретиться наши «друзья». Ты от встречи не отказывайся. Со свидетелем и без тебя найдется кому поработать, а вот к Почемучке у нас, кроме тебя, выходов нет.

– Николай Алексеевич, раз на раз не приходится! Кто сказал, что они со мной на контакт выйдут? В прошлый раз Муха напустил мути с «Белой стрелой», и так совпало, что я был в теме. Сейчас разговор идет об общаке, а я к нему ни малейшего отношения не имею. Надеюсь, вы не предлагаете мне поехать на кладбище и поинтересоваться у Мухи, как мне с Почемучкой встретиться? Муха на меня за свою девчонку жабу таит, у меня с ним разговор не получится.

– Я тебя никуда не посылаю, но по городу уже пошла волна. Ты представляешь, какой удар по авторитету Почемучки нанесен? Где это видано, чтобы на воровской общак было совершено вооруженное нападение? Кто Почемучку короновать будет, если у него в области бардак? Представь, что Лучик сегодня помрет. На какие деньги они его хоронить будут? Со всей страны воры съедутся, а местная казна пуста. Позор на весь мир! При таких обстоятельствах Почемучка не побрезгует с нами в одну дуду дудеть. Я думаю, он предложит нам сотрудничество в плане обмена информацией. До сего дня, – Малышев, подчеркивая важность момента, постучал пальцем по столу, – Почемучка выходил на контакт только с тобой. Сейчас он пойдет по проторенной дорожке. Он не меня и не Клементьева позовет на встречу, а тебя.

– Николай Алексеевич, я же не против встречи...

– Вот и хорошо! – перебил меня начальник. – Завтра будь на телефоне, жди, когда они на связь выйдут.

– Николай Алексеевич, вы помните о моей просьбе?

Уловив в моей интонации жесткую нотку, Малышев насторожился:

– Напомни, о чем ты просил?

– Завтра мне надо забрать дочку из детского сада и до воскресенья побыть с ней. У Натали билеты на пятницу куплены, она уезжает черт знает куда, а дочь на меня оставляет.

– Как же все это не вовремя! – поморщился начальник.

– Николай Алексеевич, если бы не дочь, я бы ничего не стал просить. Но здесь ситуация патовая: я не отказываюсь от работы завтра вечером и в выходные, но и дочь бросить не смогу. Если Почемучка выйдет со мной на контакт, я с Ариной на встречу поеду.

– Оставишь ее в управлении, а сам поедешь. Что мы, женщину не найдем с ребенком посидеть? Я сам с ней посижу!

– Завтра вечером я забираю Арину из садика, – ультимативным тоном повторил я свои требования.

– Забирай. Я предупрежу начальника инспекции по делам несовершеннолетних, чтобы она на всякий случай держала одну сотрудницу в резерве, с твоей дочерью нянчиться.

– Надеюсь, что до этого не дойдет.

Глава 4. Просьба

Новый, 1989 год я и Наталья собирались встретиться вместе, но в самый последний момент планы ее поменялись, и я оказался на улице, никому не нужный, трезвый и злой.

Тридцать первое декабря, половина десятого вечера. Знаковый день! Я чуть было не встретил наступающий Новый год один, в пустой квартире, без спиртного и достойной закуски. Но коварная синусоида была милостива ко мне, и в последний момент меня пригласил вместе встретить Новый год Евгений Ковалик, владелец кафе «Встреча».

Первое января я провел в обществе его дочери Альбины. Незабываемые часы! Альбина – это женщина-шампанское, это ежесекундный и ежеминутный праздник, фейерверк шkodливых идей и любовных утех.

Сразу же после Нового года Наталья как ни в чем не бывало предложила встретиться. Я отказался. Даже настойчивые просьбы провести дочь на меня не подействовали. Я понимал, что по отношению к Арине веду себя неправильно, но Арина еще ребенок, и я, честно говоря, для нее никакой не папа, а некий дядя, изредка приходящий с подарками, а вот для Натальи я бывший возлюбленный, отец ее единственного ребенка.

Как я и думал, мой отказ уязвил Наталью до глубины души. Она, желая восстановить отношения, выждала время и обратилась ко мне с невинной просьбой посидеть вечер с ребенком. Я подумал и согласился. Так, шаг за шагом, наши отношения вошли в прежнее русло, но былой искренности между нами уже не было. Я перестал доверять Наталье, но был на нее не в обиде: молодая симпатичная женщина, мать-одиночка, имеет право бороться за свое счастье любыми способами.

По-хорошему, мне и Наталье надо было бы сесть и выяснить отношения, расставить все точки над «i», но взаимное недоверие не давало нам сблизиться. И тогда Наталья прибегла к помощи посредника. В конце апреля к ней в гости приехала моя несостоявшаяся теща, ее мать Клавдия Алексеевна.

Между мной и тещей (про себя я называл мать Натальи именно так) всегда были прекрасные отношения, хотя она имела полное право ненавидеть меня. Подумать только: то с одной ее дочкой жил, то с другой и ни на одной не женился! Но Клавдия Алексеевна с самой первой нашей встречи относилась ко мне с пониманием и уважением.

Посидев немного за столом, Наталья собрала Арину и пошла с ней гулять. Я и теща остались вдвоем.

– Что, Клавдия Алексеевна, – с улыбкой обратился я к ней, – не может Наташа без вашей помощи со мной общий язык найти? Сама виновата. Я наши договоренности не нарушал.

– Рассказала она мне про ваш Новый год...

– И что она рассказала? Про меня или про то, что у нее с новым мужиком ничего не получилось?

– А чего это ты про мужика речь завел? – сделала бровки дугой теща. – Может, и не было никакого мужчины между вами. Обидела она тебя на Новый год, спору нет. Но, может, причина в другом была, а ты сразу – «мужик»!

– Клавдия Алексеевна, не в обиду будет сказано, я в городе родился, не в деревне. Я знаю, что к чему. Если женщина по линолеуму в собственной квартире ходит на каблуках, то это она мужика охмуряет, хочет красоткой перед ним предстать. Пойдемте в зал, посмотрим на пол, я там найду парочку отметин от каблуков.

– Да ладно тебе. Ну, был мужчина, и что?

– Вот и я про то! Она что, не могла мне все по-человечески объяснить? К чему весь этот туман? Я бы понял ее, если бы она меня про запас держала. Ищет она себе мужика, не получилось – ко мне вернулась. Но тут-то все не так! Мы же давно с ней решили и все обгово-

рили – мы не будем жить вместе. Мы разные люди, мы – не пара. Неужели она не может мне все откровенно рассказать?

– А ты сам, что, не можешь поговорить с ней на эту тему? Зачем вы меня в ваши отношения впутываете? Ты мне претензии высказываешь, она на тебя жалуется, Марина – на мужа, Петя – на жену. Что за молодежь нынче пошла, все какого-то совета ищут. Веришь, у меня с Михаилом Ильичом тоже не все гладко было, но я никогда по поселку не бегала и на жизнь не жаловалась.

– Это я бегаю и жалуюсь? – начал злиться я.

– Остынь, Андрюша. Мне свой норов показывать не надо. Ты про Наташу плохо не думай.

– Клавдия Алексеевна, если Наталья на меня всякую напраслину возводит, то пускай это останется на ее совести. Я к ней претензий не имею и зла на нее не таю. Я ведь понимаю, в каком она положении оказалась. Она ищет себе нового мужа, я ищу жену. Обычная житейская история, ничего в ней замысловатого нет. Если она завтра заявит, что нашла Арине нового отца, я восприму это как должное. Кстати, она еще никого не подыскала?

– Вроде нет. Она же, Андрюша, как в город переехала, так с шилом в заднице живет. То сюда прыгнет, то туда. Она же хочет все сразу: и мужа хорошего, и отца для Арины, и работу денежную. Был у нее на примете мужчина, да что-то, видать, не срослось.

– Клавдия Алексеевна, вы скажите Наташе: надо – я ей всегда помогу. Найдет себе нового мужа – пусть будет счастлива с ним. Арина еще маленькая, она к новому отцу быстро привыкнет и будет его считать своим настоящим папой, а про меня со временем забудет.

– Жалко, что у вас ничего не получилось. – В глазах у тещи блеснули слезинки, но она быстро взяла себя в руки. – Михаил Ильич, Царствие ему небесное, только тебя своим зятем видел... Сидим мы как-то за столом, он говорит: «Укатила Марина в город, словно ее и не было в поселке. Так дела семейные не делаются. Поговорю-ка я с Андреем Николаевичем, пускай он на Наташе женится». А Наташа тут же сидит, рядышком. Глаза в пол опустила и молчит. Я ее потом спрашиваю: «Предложит тебе Андрей Николаевич замуж, пойдешь?» Она мне отвечает: «Не предложит – сама его к рукам приберу».

Клавдия Алексеевна глубоко вздохнула, грустно улыбнулась мне:

– Видишь, Андрюша, как получилось: не так и не так.

– Клавдия Алексеевна, я вам все сказал. Пускай Наташа хвостом не крутит, я ее в любой ситуации пойму.

Не прошло и недели, как Наталья позвонила мне и попросила в выходные посидеть с дочерью.

– Андрей, только ты можешь мне помочь. Посиди с Ариной.

– Когда?

– Мне надо девятнадцатого мая, в пятницу, уехать... до воскресенья.

– Чего-чего? Ты хочешь на все выходные мне Арину оставить? Наташа, у меня работа. Меня в любой момент могут вызвать. Вечер я посидеть смогу, а почти двое суток – нет.

– Андрей... – Слова, доносящиеся до меня по проводам, по пути замерзли и превратились в кусочки льда. Из телефонной трубки, как из открытой в лютый мороз форточки, повеяло арктическим холодом. – Андрей, объясни мне, что ты за человек? Ты говоришь маме, что всегда готов помочь мне, а как только я обратилась к тебе с просьбой, так ты тут же в кусты! Ты будь хозяином своему слову. Я тебя за язык не тянула.

– Наташа, ты не передергивай, – поставил я на место зарвавшуюся подругу. – Я помочь тебе не отказываюсь, и ты мне по телефону нравоучения не читай. Я Клавдии Алексеевне совершенно четко сказал, что если тебе надо... Тьфу, черт! Наташа, что ты воду мутишь? Ты что, не можешь мне по-человечески все объяснить?

– Что мне тебе объяснять? – дернулась Наталья. – Что я поеду в Новосибирск новую работу смотреть? Тебя это интересует?

– Давай дальше! – поощрил я. – Ты развеи мысль до конца, чтобы мне весь расклад стал понятен. С кем ты едешь? С новым кандидатом в мужа?

– А если и так, то что? Тебе-то какое до этого дело?

– Значит, так, – жестко и бескомпромиссно заявил я, – сейчас ты мне расскажешь всю подоплеку дела или я занят по службе и помочь тебе не смогу.

– Господи, зачем ты навязался на мою голову! Никого ни о чем попросить нельзя.

– Наташа, я слушаю, я весь внимание.

Мгновенно причитания сменились деловым тоном:

– Андрей, есть один мужчина, он ухаживает за мной, у него серьезные намерения. В Новосибирске у него друг работает в конструкторском бюро на авиационном заводе. Им нужен программист. Просто так они меня взять на работу не могут. Мне надо пройти тестирование и показать, что я не просто программист, а высококлассный специалист. Начальник отдела программного обеспечения согласен встретиться со мной в субботу. Теперь тебя все устраивает?

– Наташа, если они предложат тебе работу, ты переедешь в Новосибирск?

– Да я хоть к черту на рога согласна переехать! У нас НИИ все, не сегодня-завтра сдохнет. Не нужна никому нынче оборонная промышленность. Ты, надеюсь, не хочешь, чтобы я осталась у разбитого корыта?

– А твой жених, он что, с тобой на новое место жительства переедет?

– Разведется с женой, разменяет квартиру и переедет.

– Как мы встретимся? Как ты мне Арину передашь?

– Мы не будем встречаться. Я утром уеду, а ты вечером забереши Арину из садика.

– Наташа, а чем мне ее кормить? Я кашу варить не умею.

– Я все вам оставлю. Придешь, разогреешь, покормишь. В обед сводишь Арину в столовую. Она гречневую кашу с котлетой ест с удовольствием.

До меня не сразу дошел смысл сказанного, но когда я понял, что она говорит о своей квартире, то стал возражать:

– Наташа, может, как-то по-другому все сделаем?

– Ты опять за свое? – начала злиться она. – Что ей у тебя дома делать? На пустой холодильник смотреть? Или ты думаешь ребенка двое суток бутербродами с колбасой кормить? Даже не выдумывай!

– Спасибо за идею! О колбасе я как-то не подумал.

– Не издевайся надо мной!

– А ты зачем про холодильник сказала? Приезжай и посмотри, что там есть. Ты думаешь, у меня в холодильникемышь от голода повесилась?

– Андрей, извини, я была не права, – быстро и охотно пошла на попятную Наталья. – Но ты сам, рассуди, где будет девочке лучше: у себя дома или у тебя в гостях? Давай возьмем самый крайний вариант: приболеет Арина, ты даже врача вызвать не сможешь. Тебе же еще телефон не поставили? Андрей, я оставлю вам еду на завтраки и ужины. Я напишу тебе подробную инструкцию, что где лежит... Ты посидишь с ребенком или нет?

– Когда ты ключи от квартиры завезешь?

– Ничего я не буду тебе завозить. Я ключи у воспитательницы в детском саду оставлю, придешь за Ариной и забереши.

– Наташа, ты со своим женихом меня познакомишь? Ты не бойся, я с ним драться не буду.

– Придурок! Как я только с тобой жила?

– Надеюсь, счастливо.

После разговора с Натальей я пошел к Малышеву и объяснил ему сложившуюся ситуацию.

– Да в чем вопрос, Андрей Николаевич! Не будем тебя дергать в субботу, посидишь с дочкой, почувствуешь себя отцом. Научишься попу ребенку вытирать, узнаешь, как кукол у нее зовут.

В понедельник я напомнил начальнику о договоренности. Он заверил, что все остается в силе.

Кто бы знал, что в четверг Шахиню грохнут! Не раньше, не позже. Как специально подгадали.

Глава 5. Главный подозреваемый

В пятницу утром Сергиец привез ко мне Грачева. Невысокого роста, худенький, пропитый мужичонка вел себя настороженно. Он не знал, чем закончится беседа – поездкой в ИВС для отбытия наказания за мелкое хулиганство или словами, подобными божественной музыке: «Иди домой. Ты нам больше не нужен».

– Рассказывай! – приказал я.

– Закурить дадите? – мрачно спросил Грачев.

Сергиец без лишних слов выложил на стол початую пачку «Примы». Грачев вытащил сигаретку, попросил прикурить, глубоко затянулся, выпустил толстую струю в потолок.

– Че рассказывать? – осмелевшим тоном спросил он.

– Как на убийстве был, – ровным, спокойным голосом ответил я.

– Я не был на убийстве. Меня ни одна прикентовка² с собой не возьмет. Кому я, хромоногий, нужен? На дело идти надо здоровые ножки иметь.

– А про что тогда ты мне хотел рассказать? – вкрадчиво спросил я. – Про то, как ты портвейна напился и, ссанный, на лавочке спал? Ты мне про это хотел поведать?

Грачев сжался – он понял, что доверительная часть беседы закончена.

– Ты что, сукин сын, – заорал я, – глумиться надо мной приехал? Ты еще не понял, куда попал?

– Я, это... – Мужичонка, ища защиты, повернулся к начальнику Машиностроительного ОУР, но тот сидел, потупив взгляд, всем своим видом показывая: «Я в ваши дела вмешиваться не буду. Андрей Николаевич – большой начальник, я поперек его воли не пойду».

– Я же не против рассказать, – запричитал Грачев. – Про че говорить-то? С самого утра начинать?

– С самого утра? – делано удивился я. – А что ты делал утром? Блевал с перепоею, отрывал вчерашней бормотухой? Ты думаешь, мне это интересно? Грачев, я вижу, что по-хорошему ты не понимаешь. Придется поговорить по-другому.

Я поднял телефонную трубку, стал набирать номер телефонного аппарата, с которого звонил.

– Андрей Николаевич, – примирительным тоном обратился ко мне Сергиец, – не надо никуда звонить. Грач – нормальный мужик. Он все расскажет.

– Все, все расскажу! – с готовностью поддержал его задержанный. – Я тут немного смутился, не знал, с чего начинать. А так-то че, так-то я всегда – за.

Я вернул телефонную трубку на место.

– Рассказывай все про адвоката, а там посмотрим.

Сергиец за спиной Грачева показал мне кулак. Это означало: «Ты чего мой авторитет подрываешь? Я должен быть «злым полицейским», а ты меня в добряки записал».

– Адвоката этого зовут Юрий Эдуардович, – начал Грачев. – Фамилия Машковцов. Про это, про кражу, вы знаете? Короче, ну, так получилось, что взял я сумочку у одной гражданки и попался. Следствие, арест. Приходит адвокат на предъявление обвинения и говорит: «Я пришел по вызову следователя, буду тебя защищать. У тебя есть родственники, которые со мной соглашение заключат?» Это значит, он пришел как бесплатный адвокат, а без денег че, без денег ему работать в лом. Я говорю Машковцову, что у меня ни родни, ни денег нет. Он поморщился, прочитал обвинение и говорит: «Давай подписывать». Я стал возражать. Объясняю, что в сумочке у гражданки не было губной помады за пять рублей тридцать копеек. Я говорю ему: «Она врет! Она меня оговаривает». Он тихо так, по-змеиному, прошипел: «Подписывай! Пол-

---

² Группа людей, объединившихся для совершения преступлений (*жарг.*).

ностью признаешь вину, на суде меньше дадут». Я следователю говорю: «Там не было помады!» Следак в ответ: «Да мне по фигу! Сумочку у тебя нашли, значит, ты – вор. Преступление доказано, а была там помада или нет, это никого не волнует». Я еще закурю?

– Кури, – разрешил я.

– Потом ознакомление с делом. Машковцов зашел и следователю говорит: «Дай я пишу ознакомление и пойду, у меня на сегодня дел полно». Реально вам говорю: зашел, не читая дело, подписал и вышел. Три минуты побыл в комнате для допросов, дал мне две сигаретки и ушел.

– Так он же у тебя был бесплатным адвокатом, – усмехнулся я. – Ты что, хотел, чтобы он за тебя рубаху на груди рвал?

– Не! – скривился Грачев. – Оно так-то понятно, что бесплатный, но мог бы он посидеть, дело почитать. Может, там следователь какие-то ошибки допустил? А так же, так каждый может – забежал, расписался и убежал. Не по-людски это.

– Как он выглядел? Опиши Машковцова, – велел я.

– Роста он невысокого, примерно сто шестьдесят пять сантиметров. Полноватый, мордастый. Густые усы, кончиками вниз. Очки в толстой оправе. Прическа обычная, челка набок. Все вроде... Да, еще один момент! Он ходит как-то странно, с ноги на ногу переваливается. Я когда в армии служил, у нас в роте был парень по фамилии Тельканов. Нерусский – мордвин или чуваш. Так вот он бегал и никогда не уставал. Он так же, как адвокат, косолапил, с боку на бок переваливался.

– Ты какого-то человека-утку нам описываешь, – с недоверием сказал я.

– При чем здесь утка? Он немного так переваливается, но это заметно. Я не знаю, как вам объяснить... Знаете, блатной танец «Мы повстречались в подворотне»? Там надо идти вперед, а самому плечами вверх-вниз, бедрами влево-вправо. Вот если сильно не кривляться и на плечи внимания не обращать, то снизу получится походка, как у Машковцова.

– Понял я, как он ходит, – сказал Сергиец. – Зыбина помнишь? Он к концу дня так же косолапил.

Грачев выудил из пачки очередную сигаретку, закурил. Я кивком головы велел ему продолжать.

– Потом суд. Он зашел ко мне в клетку и говорит: «Вину признавай полностью, про помаду молчи». А мне же, мне терять нечего, я в суде спрашиваю потерпевшую: «Откуда у вас в сумочке помада взялась, если ее там не было?» Короче, начали спорить. Естественно, судья потерпевшей поверил и дал мне год зоны. Я говорю адвокату: «Давай кассацию писать. Приговор несправедливый. Помады в сумочке не было». Он мне отвечает: «Тебе надо, ты и пиши. Я свое отработал». Три раза пришел, на суде два слова сказал – и все!

– Что ты про общак можешь нам рассказать? – спросил я.

– А че общак? Общак по зоне. Я не вор и не авторитет, чтобы на воле про общак говорить. А по зоне дело было так. С воли поступал грев: папиросы, табак, чай, конфеты, сало. Но все шло через авторитетов, через терки между ворами и лагерной администрацией. Короче, мне с этого общака один раз пачка папирос досталась и раз табака рассыпного дали грамм триста. Все. На этом весь грев. Нет, вру. Еще раз досталась нам пачка чая на четверых. Высыпали мы эту пачку в железную кружку, заварили чифир. Че получается? В кружке по восемь глотков на брата. Вот и весь общак. За год зоны – восемь глотков чифира. А рядом, в конце отряда, там воры гужуют. У них чифир каждый день да через день. Им грев достойный идет, они вторяки не заваривают. Это мы чифирнули и еще раз заварили, а у них не так. Одна заварка – и все, нифеля³ шестеркам скидывают. И чай-то, чай! Грузинский. Его по воле только нищие пьют, а в зоне – там да, там и грузинскому чаю рад будешь. Воры, значит, хороший чай пьют, индийский,

---

³ Спитый чай.

со слоном. А мы так любому рады... Еще раз дело было: пришел вечером в отряд Голубь, авторитет. С собой у него полбутылки водки, а сам он пьяный, еле на ногах стоит. Вызвал меня к себе и говорит: «Ты, Грач, как и я, крылья за спиной имеешь. Иди к Воробью, он тоже из нашей шайки. С ним распейте пузырь за племя наше птичье». Я нашел Воробья и с ним остатки бутылки приговорил. Это как, за грех из общака считается? Голубь и так мог водки достать. Его с воли сам Муха-цокотуха поддерживал. Голубь всегда при деньгах был. Он как-то раз жене начальника отряда на день рождения настоящие французские духи подарил. Говорит: «Передайте Елене Семеновне от нас, с наилучшими пожеланиями». Отрядный улыбается. А чего не лыбиться? В магазине такие духи не продают.

– Негусто тебе с общака досталось, – согласился я. – Теперь давай про вчерашний день. Конкретно, про адвоката.

– Они подъехали на вишневой «пятерке». Два фраера зашли в подъезд, а адвокат остался в машине. Я думал подойти, закурить спросить, сделал два шага, присмотрелся: ба! Да это Юрий Эдуардович собственной персоной. Не, думаю, не пойду. Разговор не получится. Я на него обиду имею. Шутка ли сказать, за какую-то помаду год зоны огреб? Думаю, без курева обойдусь, а то ведь как получится: я попрошу закурить, там суд вспомню, начну ему за кассацию предъявлять, а тут эти двое вернутся и мне шейной мази выпишут. Я отвернулся, стал мужиков с магазина ждать. Слышу, машина завелась и уехала. Все вроде бы. Стрельбы я не слышал, парней этих, что были с Машковцовым, не рассмотрел.

– Слава, – обратился я к коллеге, – он с какого расстояния адвоката видел? С той лавочки, возле которой мы у дома Шахины разговаривали?

Сергиец встал, взял у меня со стола лист бумаги, набросал план двора Желомкиной.

– Грач, покажи точно, ты где сидел, вот здесь или у детского грибочка?

– Две лавочки и столик. Че я буду у песочницы сидеть? Там шпана все окурками закидала. У столика мы были. Культурное место. Никому не мешали.

– Ты уверен, что за рулем был адвокат? – еще раз обратился я к Грачеву.

– Да он это был! Я метров на десять к машине подошел. Присмотрелся: он! Усы его, очки. Куртка его!

– Какая куртка? Ты почему про куртку молчал? – строго спросил Сергиец.

– Запомню.

– Опиши нам эту куртку.

– Японская куртка с подкладкой из искусственного меха. У меня же уголовное дело по осени было, так Машковцов в этой куртке в следственный изолятор приходил. Такая же точно куртка была у одного моего знакомого. Ну, как знакомого, мы с ним в одном подъезде жили, здоровались иногда. Темно-синяя куртка с капюшоном, японская. В холодную погоду в такой куртке самое то ходить. Зимой, конечно, рыбий мех не поможет, а вот осенью или как сейчас холод стоит – самое то.

Я сходил в соседний кабинет, взял куртку у оперуполномоченного Симонова, вернулся к себе.

– Такая куртка у него была? – спросил я у Грачева.

– Точно такая же, только темно-синего цвета. Мех изнутри белый. Капюшон. Вместо пуговиц – заклепки. Два накладных кармана сбоку.

– Ты хочешь сказать, что адвокат в одной куртке пять лет ходит?

– А че не ходить-то? – стал упорствовать Грачев. – Куртка добротная, японская. Ей сто лет сносу не будет. А потом, он же по тюрьмам в ней ходит, по изоляторам. Короче, эта куртка у него как рабочая одежда. Я в зоне в фуфайке ходил, а он – в куртке заграничной. Каждому – свое!

– Скажи, Грач, а что, адвокат за прошедшие пять лет нисколько не изменился? Ты только глянул в машину и сразу его узнал?

– А че ему меняться, он че, мальчик, что ли? Какой был, такой и остался. Ему лет пятьдесят, куда ему меняться?

– Как по отношению к подъезду стояла машина?

– Пассажирами дверцами к лавочкам. Я адвоката не через сиденье видел, он ко мне лицом сидел.

Закончив с Грачевым, я зашел к Малышеву.

– Я думаю, что Грачев не врет. Другое дело, кого он видел: адвоката Машковцова или человека, похожего на него? Через стекло, в профиль, Грачев мог ошибиться.

– Он не ошибся, Андрей Николаевич. Автомобиль адвоката исчез. Ключей от машины и от гаража у него дома нет... Странная история, малоправдоподобная, но факт есть факт – вчера утром Машковцов пошел на работу и исчез. Вышел в девять утра и как в воду канул.

– Обыск у него провели?

– Провели. Ничего не нашли. Ни в квартире, ни в гараже, ни в юридической консультации – ничего нигде нет. Ни одной зацепки.

– Грачев утверждает, что адвокат был в темно-синей японской куртке. Вчера утром Машковцов в ней на работу пошел?

– Уточни у следователя. Я в такие детали не вдавался.

От Малышева я спустился в экспертно-криминалистический отдел.

– Какой улов? – спросил я у начальника отдела. – Что удалось установить?

– В квартире Желомкиной был изъят обрез одноствольного охотничьего ружья модели «ИЖ-18» шестнадцатого калибра. В стволе осталась латунная гильза. В морге из тела племянника Шахилин извлекли войлочный пыж и картечь. На обрезе остались отпечатки пальцев. По нашей картотеке они не проходят. Дактоформулу направили в Москву. Ответ придет через месяц, не раньше. Что тебя еще интересует? Пуля в голове старушки с первого этажа?

– Можно и про старушку поговорить.

– Пуля калибром 5,6 миллиметра, стандартная, свинцовая, безоболочечная. При ударе о кость черепа пуля смялась в комок и застряла в правой доле мозга потерпевшей. Я говорил с экспертом, который вскрывал старушку. Лобная кость у нее тонкая, но, пройдя эту преграду, пуля утратила кинетическую энергию, а это значит, что она была выпущена из оружия, которое не обеспечивает должную силу выстрела. Я думаю, что в нее стреляли из самодельного револьвера. В кустарных условиях невозможно точно подогнать барабан револьвера к стволу – между ними останется зазор, миллиметр или полтора, в зависимости от оборудования, на котором вытачивали ствол. При выстреле из револьвера пуля из барабана попадает в ствол, но часть пороховых газов прорывается через зазор, и дульная энергия заряда падает. Сложив все вместе, дистанцию выстрела я бы определил в метр или около того.

– Согласен. Гильзы в подъезде мы не обнаружили. Похоже, что стреляли из револьвера. Больше ничего нет? Следы обуви, микрочастицы, нож?

– Нож имел ширину лезвия восемнадцать миллиметров, толщину – примерно миллиметр. Максимальная длина раневого канала – одиннадцать с половиной сантиметров. Андрей Николаевич, Желомкину зарезали обычным кухонным ножом.

После обеда мы собрались у начальника уголовного розыска на совещание. Первым выступил Клементьев.

– Единственным подозреваемым у нас является адвокат Машковцов Юрий Эдуардович. Ему сорок восемь лет, работает в юридической консультации Центрального района, специализируется на делах уголовной направленности. Среди коллег пользуется уважением. С лидерами нашего преступного мира связей не имел. Нам удалось установить только один случай, когда Машковцов был защитником у более-менее значимого авторитета – десять лет назад он защищал по делу о разбойном нападении некоего Алясева по кличке Эскимос. В основном Машковцов брался вести дела о спекуляции, растрате или мошенничестве. С ярко выражен-

ной уголовщиной старался не связываться. Вчера утром в девять часов Машковцов вышел из дома и пропал.

– Что родственники говорят, – спросил Малышев, – он взял с собой ключи от машины и гаража или нет?

– На ключи родственники внимания не обратили, но обычно Машковцов до работы ходил пешком. Там идти-то одну остановку. Вчера же у него был процесс в суде, но на судебное заседание он не явился. Суд и юридическая консультация находятся в одном дворе. Если у адвоката не было других планов, то автомобиль ему брать было незачем.

– Андрей Николаевич, что у нас со свидетелями? – обратился начальник ко мне.

– Три свидетеля, независимо друг от друга, подтверждают, что налетчики прибыли к дому Желомкиной на автомобиле «ВАЗ-2105» вишневого цвета. Один из свидетелей работает автослесарем и, как профессионал, утверждает, что автомобиль был именно «пятерка», а не «семерка». Свидетель Грачев в водителе уверенно опознает адвоката Машковцова.

В дверь кабинета постучались, заглянул Айдар:

– Прошу прощения, Андрею Николаевичу звонят из детского сада.

– Что случилось? – дернулся я.

– Что-то с дочерью.

Я поднялся с места.

– Николай Алексеевич...

– Иди, иди! – махнул рукой Малышев.

Я пулей домчался до своего кабинета, схватил телефон:

– Это Лаптев! Что случилось?

– Андрей Николаевич, это воспитатель Арины Татьяна Федоровна. Вы не волнуйтесь, ничего особенного не произошло. У Арины немного поднялась температура, и наш врач советует вам забрать ее домой. Вы сейчас сможете подъехать?

– Еду. Ключи ее мама для меня оставила?

– Да-да, ключи у меня. Подъезжайте, мы вас ждем.

Я вернулся к начальнику:

– Дочь заболела. Я поеду, заберу ее из детского садика и буду в квартире ее матери. Телефон оставлю в дежурной части.

– Поезжай, – разрешил Малышев, – но помни: если Почемучка выйдет на тебя, придется дочь оставить на наше попечение и ехать на встречу.

Глава 6. Загадочная болезнь

На служебной машине я домчался до детского сада. Воспитательница, виновато отводя глаза, позвала Арину из группы.

– Андрей Николаевич, у Арины еще немного температурка поднялась. Наш врач считает, что вам надо вызвать врача на дом. Давайте мы сами позвоним в детскую поликлинику. Вам на какой адрес врача вызвать: где Арина прописана или где живет?

– Вызывайте врача по месту жительства... Так, в двух словах, динамика развития событий?

– В обед я заметила, что Арина стала какой-то вялой, малоподвижной. Пригласила нашего врача, она измерила температуру – тридцать семь и два. Я позвонила вам. Лекарства мы никакие Арине не давали.

В раздевалку вошла женщина в белом халате.

– Здравствуйте. Вы папа Арины? Я врач детского сада. Вы сильно не тревожьтесь, я думаю, что девочка немного простыла вчера, а сегодня вся простуда вылезла наружу. Приедете домой, напоите Арину сладким чаем и до прихода врача уложите в постель.

– Ключи ее мама оставила? – спросил я воспитательницу.

– Ах да, конечно! – Она сходила в группу, принесла ключи от квартиры.

Я взял дочку на руки, спустился к ожидавшему автомобилю, и мы поехали домой. Всю дорогу я мысленно костерил Наталью: «Подкинула мне больного ребенка, а сама умчалась черт знает куда, хвостом вертеть!»

Дома у Натальи я разобрал не детскую кроватку, а большую двуспальную кровать. Раздел дочку, уложил ее под одеяло.

– Арина, чай будешь?

Она едва заметно кивнула головой. Я посмотрел дочери в глаза. Возможно, я не самый лучший папаша на свете, но каким-то образом я научился угадывать желания Арины по ее глазам.

– Давай, пока я чай наливаю, смерим тебе температуру. Где у вас аптечка?

Арина рукой показала на мебельную стенку. Я поставил ей градусник, пошел на кухню, налил чай. Больше всего на свете в этот момент мне хотелось жажнуть залпом стакан водки и немного расслабиться. Болезнь ребенка свалилась на меня как снег на голову. Я был совершенно не готов к такому развитию событий. Что делать, когда у тебя на руках больная дочь? Чем ее лечить, чем кормить? А если ей еще хуже станет? Надо будет «Скорую» вызвать? Ну и не сволочь ли после этого Наталья? Тешится сейчас в объятьях какого-то женатого проходимца, а я должен с больным ребенком сидеть. Черт с ним, я согласен сидеть, если бы меня этому научили.

– Что там у нас? – Я взял градусник.

«Мать его! 37,9! Температура ползет вверх. Надо что-то делать, а что? Аспирин ей дать? Или детям нельзя аспирин? Позвонить в «Скорую», спросить, можно ли трехлетнему ребенку давать аспирин? Стоп. Арине еще нет трех лет».

Дочь допила чай и протянула кружку мне. Я погладил ее по голове, прикоснулся губами ко лбу. Арина была вся горячая, вспотевшая, от нее просто несло жаром.

«Нет, это не простуда, – с ужасом подумал я. – Если в течение часа врач не придет, я вызову «Скорую». Я не могу смотреть, как она мучается».

– Ариша, девочка моя, что у тебя за мамаша? Повела тебя больную в детский сад.

Дочка отрицательно помотала головой.

– Ты в садике заболела? А вчера ты себя нормально чувствовала? Тебе сейчас холодно или жарко? Холодно? Давай я тебя еще одним одеялом укурую.

Оставив дочь трястись от температуры, я пошел на кухню, нервно закурил. Звонок в дверь раздался неожиданно. Я отложил сигарету в пепельницу, открыл дверь. На пороге стояла незнакомая девушка.

– Вам кого? – недовольным тоном спросил я.

Немного смутившись от такого приветствия, незнакомка ответила:

– Я детский врач. У меня вызов на этот адрес. Антонова Арина здесь живет?

Теперь смутился я.

– Да-да, здесь, конечно. Проходите, пожалуйста. У меня был трудный день, так что не обращайтесь на меня внимания. Я, честно говоря, в первый раз в жизни в такой ситуации – ребенок заболел, а я не знаю, что делать. Раздевайтесь, давайте я уберу ваш плащ в шкаф.

Девушка достала из сумки белый халат, накинула на шею стетоскоп.

– Где можно руки помыть?

– В ванной, конечно. Полотенце берите любое, какое вам приглянется.

Пока врач мыла руки, я пошел на кухню, затушил догоревшую почти до фильтра сигарету.

«Почему всегда врачи спрашивают, где можно помыть руки? Забавный был бы диалог: “Где можно помыть руки?” – “Пожалуйста, на кухне. Ванная у нас пока занята – мы в ней в прошлом году капусту засолили, все никак не можем доесть”».

– Пойдемте к ребенку, – предложила вышедшая из ванной врач.

«Молодая она какая-то, – подумал я, украдкой рассматривая девушку. – Детский врач должна быть в меру упитанной женщиной лет сорока, с добрыми ласковыми руками, а эта, похоже, только-только мединститут закончила».

Девушка-врач села на край кровати, ладонью потрогала лоб ребенка.

– Ну, что у тебя болит? – ласково улыбнувшись, спросила она.

– Арина еще не разговаривает, – пояснил я.

– Совсем не разговаривает? – уточнила врач.

– Молчит как рыба, ни одного звука не произносит. Все понимает, но молчит. Теща считает, что придет время, и она заговорит сразу целыми предложениями.

– Сколько девочке лет?

– В июле три года будет.

– Арина, вставай с кровати, давай я послушаю тебя. Вот так, задери маечку, вздохни.

Врач стетоскопом послушала Арину, постучала пальцами по ее груди.

– Покашляй, – предложила она.

Дочь с удовольствием согласилась. Ей, к моему удивлению, понравилось «играть» в больницу. А может, просто новый человек заинтересовал ее? Пришла участливая тетя в белом докторском халате, как не поиграть с ней в новую интересную игру под названием «Больница»?

– Принесите мне чайную ложечку, – попросила врач. – Арина, высунь язык, скажи «а-а»! Ляг на спинку, я посмотрю у тебя животик. Вот здесь не болит? Теперь расскажешь мне, что с тобой случилось.

Дочь вопросительно посмотрела на меня. Я прочитал в ее глазах: «Объясни тете, что я не разговариваю».

– Арина, давай я тебя укрою и буду спрашивать. Если я угадаю, то ты кивнешь головой, а если это не так, то отрицательно помотаешь. Хорошо?

Дочка согласно кивнула. Я, заинтересовавшись этой необычайной диагностикой, остался в зале, хотя думал воспользоваться моментом, забежать на кухню и хоть пару раз затянуться сигаретой. У меня от свалившихся невзгод во рту пересохло, курить хотелось – не сказать как.

– Ты сегодня в садик пришла здоровой? Играла с детьми, и все было, как обычно? Потом тебе стало холодно. Ты легла на кровать, пришла воспитательница, а потом тетя доктор. Все

так? Тетя доктор к тебе приходила, градусник ставила? Арина, честно скажи, ты железо в рот брала? Не смотри на папу. Было дело, обсасывала монетки из маминого кошелька?

Дочка отрицательно покачала головой. Наверняка обманывала. Все дети в рот монеты тащат, но не все в этом признаются.

– Хорошо, давай я тебя об этом по-другому спрошу. Когда тебе стало холодно, то во рту появился неприятный привкус, такой кисловатый и противный, как жареный лук?

Арина, обрадовавшись удачному сравнению, радостно закивала.

– Тебе сейчас холодно? А если еще одним одеялом укрыть, то теплее будет? Так, папа, идите в ванную, намочите полотенце теплой водой, возьмите банный халат и возвращайтесь, будем готовить девочку к приступу болезни.

– Чего-чего? – испугался я. – К приступу?!

Доктор, не обращая на меня внимания, раздела Арину, уложила обратно в кровать.

– Вы еще здесь? – иронично спросила девушка. – Ребенку сейчас будет становиться все хуже и хуже, а вы стоите, словно не о вашей дочери речь идет.

«Какой еще приступ? – в смятении думал я, намачивая полотенце. – Что с дочерью? Может, пора «Скорую помощь» вызывать? Эта докторша одними загадками говорит. Пока мне все не разъяснит, я ее из квартиры не выпущу... Халат. Где я возьму банный халат? У Наташки ни черта в ванной нет».

Я с мокрым полотенцем вернулся в комнату.

– Вместо банного халата ничего больше не подойдет?

– Все подойдет, – ответила девушка, обтирая Арину мокрым полотенцем. – Сейчас я возьму девочку на руки, а вы застелите постель свежим бельем. Это уже совсем мокрое.

Она завернула Арину в одеяло, освободила мне поле деятельности. Я вспомнил, где у Наташки хранится постельное белье. Достал первую попавшуюся простыню, застелил кровать. Пододеяльник я менять не стал, просто перевернул одеяло на другую сторону. Врач уложила Арину в кровать, села за стол, стала заполнять медицинскую карточку Арины.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Елизавета Владимировна.

– Очень приятно. Меня – Андрей Николаевич. Елизавета Владимировна, вы перед уходом расскажите мне, что с Ариной и к чему мне готовиться.

– Все расскажу, – ответила девушка, не отрываясь от бумаг.

Теперь, когда наступила временная передышка, я смог рассмотреть гостью.

На вид ей было лет двадцать пять – двадцать семь. Ростом девушка была ниже меня почти на голову. Навскидку я бы сказал, что она не выше 163 сантиметров. Под просторным большим халатом фигуру ее разглядеть было трудно, хотя когда она сняла плащ, то показалась мне немного худой. Волосы у девушки были светло-русые, прическа – «итальянка». На самом деле никакой прически «итальянка» не существует в природе. Это выдумка парикмахеров. Есть безымянная женская прическа с волосами до плеч или немного ниже плеч. Точно такую же прическу в конце семидесятых годов носил каждый третий парень в городе, и никому не приходило на ум сказать: «О, у тебя прическа «итальянка»!» Представляю ответ: «Угу, «итальянка»! Подставляй челюсть, сейчас я тебе покажу, итальянка я или русский мужик!» Так что прическа у девушки была самая обычная, вполне соответствующая ее возрасту и профессии.

Черты лица девушки были приятными, но обычными. Настолько обычными, что, описывая ее, невозможно было выделить какую-то присущую только ей индивидуальность или особую примету. Глаза у Елизаветы Владимировны были голубыми и, как и у моей дочери, «говорящими». Когда она смотрела на меня, то я успевал догадаться, о чем она попросит.

На правой руке поблескивало тонкое обручальное кольцо.

Закончив записи, врач убрала медицинскую карточку Арины себе в сумочку, выписала рецепт.

– Скажите, Андрей Николаевич, ваш скептицизм вызван моим возрастом или я что-то делаю не так? – Ожидая ответа, она с интересом посмотрела на меня.

Я не смутился ни от вопроса, ни от ее пристального насмешливого взгляда.

– Боже упаси, Елизавета Владимировна! Возраст тут совершенно ни при чем. Количество прожитых лет не всегда переходит в качество знаний. Расскажите, что с моей дочерью?

– У Арины нарушение теплообмена с окружающей средой.

– Это опасно? – встревоженно спросил я.

– Это не опасно, потому что это не болезнь.

– Елизавета Владимировна, в силу своей профессии и образования я изучал судебную медицину и хорошо представляю, где у человека находятся почки, а где печень. Я знаю, чем проникающее ранение в брюшную полость отличается от непроникающего и какую роль в заживлении ран играет сальник. Я изучал судебную психиатрию, я много раз был в морге на вскрытии. Я имел честь быть знакомым с лучшим специалистом в нашей стране по внутренней энергетике человека. Рассказывайте, я постараюсь все понять.

– Приятно иметь дело с таким образованным человеком, – сыронизировала она. – У меня нет таких глубоких познаний в медицине, как у вас, но я защищала дипломную работу как раз по нарушению теплообмена с окружающей средой. Вам в некотором роде повезло, что на вызов пришла именно я. Если бы сейчас девочку осматривал другой врач, он бы потребовал немедленной госпитализации. У Арины сегодня температура будет только расти, и сбить ее ничем невозможно. В больнице вашу дочь продержали бы дня два и выписали, не поставив точный диагноз. Нарушение теплообмена – явление специфическое, до конца еще не изученное. – Она посмотрела мне в глаза, слегка улыбнулась: – Андрей Николаевич, вы поверите мне на слово или после моего ухода вызовете «Скорую»?

Я сел на кровать рядом с Ариной, потрогал ее лоб. Девчонка вся горела.

– Я верю вам и поступлю так, как вы скажете.

– Тогда слушайте. Организм человека – саморегулируемая система. На подсознательном уровне мозг человека отдает команды каждому из внутренних органов и всему человеческому организму в целом. Независимо от воли человека бьется его сердце, легкие дышат, желудок переваривает пищу. То же самое происходит с теплообменом тела человека с окружающей его средой. Наш организм сам настраивается на нужную теплоотдачу. Представьте ситуацию: вы выходите зимой на улицу. Температура вашего тела – тридцать шесть и шесть градусов. Температура окружающей среды – минус десять градусов. На морозе ваше тело стремительно охлаждается, и, чтобы поддержать нужную температуру, организм наращивает внутреннюю теплоотдачу. Вы чувствуете холод, но температура вашего тела остается неизменной – тридцать шесть и шесть. Потом вы входите в помещение, и организм мгновенно перестраивается, на подсознательном уровне мозг понижает внутреннюю теплоотдачу до нужного уровня. Я понятно рассказываю?

– Даже очень.

– У Арины произошел сбой в регулировании теплообмена с окружающей средой. Сейчас ей кажется, что в квартире очень холодно, и ее организм ошибочно наращивает теплоотдачу. Пик роста температуры условно называется приступом. Потом пойдет спад, и девочка сама по себе выздоровеет. У Арины пологий рост температуры, а это значит, что еще несколько часов температура будет расти, потом замрет на одном уровне, а потом плавно пойдет на спад. Сбить рост температуры невозможно. Никаким внешним воздействием нельзя объяснить организму, что температура окружающей среды гораздо выше, чем он считает. Крепитесь, Андрей Николаевич. Когда температура у Арины поднимется до сорока одного градуса, не пугайтесь и не паникуйте. Это пик, после него начнется спад.

Я молча взял градусник, поставил Арине под мышку.

– Сейчас семь часов вечера. Это последний вызов у вас?

– Да, последний, – вздохнула она. – Пора домой.

– Елизавета Владимировна, будьте милосердны! Посидите еще немного. Поверьте, я в первый раз в жизни остался один с больным ребенком. Я, честно говоря, не представляю, что мне дальше делать. «Скорую», как я понимаю, вызывать не стоит?

– Если вы мне верите, то не вызывайте. Если не доверяете, то позвоните. Посоветуйтесь с супругой, послушайте, что она скажет.

– У меня нет супруги, – на автомате ответил я.

Вот это «на автомате», оно ведь стоит пояснения! Если бы женщине-врачу было лет сорок, то я бы пропустил ее слова о жене мимо ушей. Но передо мной сидела молодая симпатичная девушка, и я, ни на секунду не задумываясь, запротестовал: «Нет, нет! Какая, к черту, жена! Я холост. Перспективен. Готов к интересным отношениям».

Елизавета Владимировна с сожалением вздохнула. Я обернулся и прочитал в ее глазах: «Разве я спрашивала о вашем семейном положении?»

Мы помолчали. Переход от здоровья ребенка к отношениям между его родителями требовал небольшой внутренней подготовки. Лиза, скептически улыбнувшись, начала первая:

– Вы не женаты, но это ведь ваша дочь? Вы в разводе с ее мамой?

– Я никогда не был женат на ее матери. Черт, температура уже тридцать восемь и девять! Чем мне помочь Арине?

– Намочите полотенце и положите ей на лоб, чтобы пот не стекал в глаза. Приготовьте сухое белье. У девочки есть пижама?

– Откуда я знаю, что у нее есть! – с раздражением бросил я.

– Вы не знаете, какая одежда есть у вашего ребенка? – с сомнением спросила Лиза.

– Конечно, не знаю! Я не живу в этой квартире.

– Ну, ладно, – не веря ни одному моему слову, согласилась врач.

– Черт возьми! – взорвался я. – Посмотрите, в этой квартире нет ни одной мужской вещи. Здесь ничто не указывает, что у девочки есть папа, а у ее мамы – муж. Или сожитель, или хрен знает кто!

– Андрей Николаевич, – испуганно стала оправдываться Лиза, – я ничего не хочу сказать...

– Смотрите! – Я подошел к одежному шкафу, решительно распахнул дверцы. – Где здесь мужская одежда?

Повисла неловкая пауза: в шкафу, на самом видном месте, висел на плечиках мужской костюм. Я уставился на него, как баран на новые ворота.

– Вот черт, глупо-то как получилось, – пробормотал я.

– Андрей Николаевич, ну... – Лиза не знала, что ей сказать по поводу моего конфуза.

Профессиональный рефлекс у меня сработал быстрее, чем я нашел объяснение наличию мужской одежды в квартире Натальи. Я вытащил костюм, посмотрел на этикетку.

– Это пятьдесят второй размер, – сказал я, показывая девушке на подкладку. – У меня размер одежды сорок восьмой. Меня за год так не раскормить, чтобы этот костюм стал подходить мне по размеру.

– Андрей Николаевич, – успокаивающе сказала Лиза, – я же ничего вам не говорю. Вы сами открыли этот шкаф...

Она посмотрела мне в глаза, потом – на раскрытый шкаф.

– Андрей Николаевич, вы расстроились? – мягко спросила она.

– Что вы, Лиза! Чужой костюм – это ерунда, дело в другом. Мне дико неприятно, что я перед вами выгляжу полным идиотом. Глупо ведь выглядит со стороны – я убеждаю вас, что не живу здесь, потом всплывают черт знает чьи вещи. Я не хочу перед вами выглядеть болтуном, который сам не знает что несет.

– Андрей Николаевич, поверьте, мне так неловко, что вы из-за меня открыли шкаф...

– Давайте попьем кофе, и я вам все объясню. Арина, ты полежишь одна?

Дочка никак не отреагировала на мои слова. Она спала.

– Пойдемте на кухню, Лиза.

– Пойдемте, если ненадолго.

На кухне я с удовольствием закурил. Девушка поморщилась, но ничего не сказала. Я открыл навесной шкаф, где обычно хранился кофе, достал начатую банку.

– Андрей Николаевич, – вспомнив что-то, сказала Лиза. – Если вы не были женаты на маме Арины, то почему вы ее бабушку называете своей тещей? Или женщина, которую вы называли тещей, вовсе не бабушка Арине?

– Сейчас я все объясню, – ответил я, а про себя подумал: «А ты ведь, девочка, не замужем. Мы с тобой играем в одну игру. Называется она «Узнай побольше о понравившемся тебе человеке». Я к такой игре готов. Елизавета тоже. Иначе она бы просто фыркнула и пошла домой. Если бы я ее не заинтересовал, она бы не стала провоцировать меня разговорами о жене».

Я поставил на плиту чайник, сполоснул чайные чашечки, поставил кофе и сахарницу на стол.

– Лиза, посмотрите на мою руку. – Я положил на стол перед ней правую руку, пошевелил пальцами. – С виду в моей руке ничего необычного нет. Но это не так. Меня в эту руку клевала птица марабу. У вас есть знакомые, кого бы клевал аист марабу? Вполне возможно, что во всей Сибири я единственный человек, кого клевал марабу. Клюв у него – вот такой длины – с метр. Марабу – аист-падальщик. Он своим могучим клювом способен продолбить дырку в шкуре сдохшего носорога. Представляете огромного африканского носорога? У него такая толстая кожа, что ее нельзя пробить выстрелом из ружья, а марабу проклевывает. И вот это чудовище клевало меня.

– Где вы его встретили? – изумленно спросила девушка. – Вы были в Африке?

– В Африке я, к сожалению, не был. Марабу я встретил здесь, в Сибири. Когда мне было девять лет, я, родители и старший брат поехали в Новосибирский зоопарк. Походили, посмотрели на зверей, остановились возле птичника. Родители на птиц не смотрели, стояли в сторонке, какие-то свои дела обсуждали. Брат за страусом наблюдал, а я... Я смотрю – ба! У самого ограждения лежит перо павлина. Как же тут в стороне остаться? Пока до меня никому дела не было, я быстренько встал на колени и просунул руку за заборчик. Я так увлекся пером, что не заметил аиста марабу. Он стоял у самого ограждения на одной ноге. Глаза закрыты. Спит. Только я дотянулся до пера, аист как долбанет меня клювом по руке! От неожиданности я вскрикнул.

Что тут началось! Прибежали служащие зоопарка, стали укорять моих родителей, что они за детьми не смотрят. Какая-то тетка стала всех уверять, что она сама видела, как я хотел аиста марабу за ногу схватить. Ага, нашла дурака! Марабу был с меня ростом. Клюв у него – как моя рука. Я же не придурок, чтобы птицу с таким клювом за ноги хватать. Просто так получилось. Короче, нам пришлось уйти из зоопарка. Родители за это перо надавали мне затрещин, брат обиделся, что я ему весь поход в зоопарк испортил. Через час рука опухла, пальцы перестали двигаться. Родители сгоряча еще раз отлупили меня до слез, и мы поехали домой. Через неделю опухоль прошла, и даже шрама на руке не осталось.

– А если бы он до крови вас клюнул? – вполне серьезно спросила Елизавета. – Это же опасно. Если этот аист – падальщик, то у вас могло начаться заражение крови.

– Бог миловал, все обошлось. Хотя забавно бы получилось... Представляю: старухи возле подъезда шепчутся: «Отчего мальчонка-то у Лаптевых помер, здоровый же вроде был, ничем не болел?» – «А, так это, его аист марабу клюнул, вот он и скончался, сердечный».

Лиза осуждающе вздохнула:

– Как вы можете про себя так говорить, Андрей Николаевич?

– Ай, ерунда! Главное – никого в Сибири аист марабу не клевал, а я отличился.

– Андрей Николаевич, а зачем вас аист клюнул, вы же ничего плохого ему не сделали?

– Наверное, он принял мою руку за змею, хотел пообедать, да не получилось. – Я разлил кипяток по чашкам, предложил госте насыпать растворимый кофе. – Я вот к чему все это рассказываю, Лиза. В моей жизни происходило много необычного, и, как бы это сказать... некоторые моменты моей биографии могут вызвать изумление. Но если вы оценили по достоинству мою историю с марабу, то, я думаю, поймете и все остальное.

– Если вдуматься, то в ваших приключениях с марабу нет ничего необычного, – по-доброму улыбаясь, сказала она. – Я даже представляю себе картину: взрослые говорят о чем-то своем, оставленный без присмотра шустрый сорванец полез под ограждение клетки. Коварный аист, притворявшийся спящим, клюнул озорника в руку.

– Отлично! – согласился я. – У нас с вами, Лиза, установилось взаимное доверие. Я безоговорочно верю в ваши познания о теплообмене, вы – верите в марабу. Не знаю почему, но я хочу, чтобы вы знали, какие отношения были между мной и мамой Арины.

– Хорошо, я послушаю, – согласилась она.

– Значит, дело было так...

В прихожей зазвонил телефон. Я бы с удовольствием разбил его о стену, но телефон не виноват, что кто-то не вовремя набрал номер Натальи и прервал мое общение с Лизаветой.

Я поднялся с места.

– Вы будете брать телефон в чужой квартире? – с легким укором спросила Лиза.

– Конечно, буду! – заверил я. – Отчего бы не взять? Во-первых, я здесь оказался не по своей воле, а во-вторых, мне могут с работы позвонить.

Я поднял трубку, но рявкнуть, как в кабинете, не стал.

– Аллю?

– Андрей, это Айдар! Звонил этот, сам знаешь кто. Спрашивал театр драмы, сказал, что через полчаса еще раз перезвонит.

– Айдар, дай ему этот телефон, я с ним из дома поговорю. От наших друзей звонков не было?

– Если бы они позвонили, я бы тебя даже под землей нашел. Андрей, что у тебя с дочкой?

– Нарушение теплообмена с окружающей средой.

– Офигеть! А что это такое?

– Встретимся – расскажу!

Положив телефон, я заглянул в комнату – дочь спала. Самое время откровенно рассказать незнакомой женщине о крутых поворотах своей судьбы.

– Прошу прощения, Лиза, с работы звонили. Так на чем я остановился? На маме Арины? Перед мамой Арины была ее сестра...

Глава 7. О прошлом и настоящем

– ...Весной тысяча девятьсот восемьдесят третьего года я жил в общежитии хлебокомбината. У меня была своя отдельная комната. Удобства на этаже, но это не важно: любое собственное жилье – это каркас, на базе которого можно свить уютное семейное гнездышко. Мужчина без собственного угла и мужчина, имеющий свою собственную жилплощадь, – это совершенно разные люди.

В этом же общежитии жила Антонова Марина. До поры до времени мы не замечали друг друга, так, здоровались при встрече, сталкивались в общем коридоре, но не более того. В конце мая месяца меня обвинили в превышении служебных полномочий. Обвинение было шито белыми нитками, но наша правоохранительная система так устроена, что если тебя в чем-то обвинили, ты уже виноват. В качестве наказания меня сослали в поселок Верх-Иланск. Официально ссылка называлась «перевод на новое место службы». Переехав в Верх-Иланск, я потерял комнату в общежитии и лишился перспектив в ближайшие годы вернуться в областной центр. Так получилось, что перед моим отъездом мы с Мариной сошлись. Я много раз потом думал, зачем Марина вцепилась в меня, и пришел к такому неожиданному выводу: она застолбила меня на всякий случай, а вдруг пригодится?

– Вы говорите о себе как о какой-то вещи, – неуверенно сказала Лиза.

– Нет-нет! Аналогия с вещью тут не очень подходит. Скорее ситуация напоминает уход парня в армию. Девушка обещает его ждать, а сама два года осматривается вокруг: нет ли кого-то более подходящего? Лиза, вам доводилось ждать парня из армии?

– Нет. Я никогда не брала на себя обязательств, в исполнении которых не была уверена.

– А как же любовь? После окончания школы девушки раскрепощаются, влюбляются в парней и обещают им хранить верность два долгих года.

– Я ни в кого не влюблялась и хранить верность никому не обещала. Рассказывайте дальше, Андрей Николаевич.

– Осенью того же года Марине от хлебокомбината предоставили комнату в общежитии. По иронии судьбы она заселилась в мою бывшую комнату. В сентябре Марина приехала в Верх-Иланск и открытым текстом сказала мне, что если я к весне перееду в город, то она согласна стать моей женой, а если нет – она найдет себе другого мужа.

– Ужасно, – возмутилась Лиза. – Она так и сказала?

– Дословно, наверное, не так, но смысл был такой: «Я в поселок возвращаться не собираюсь». Так, пожалуй, о Марине все. Теперь о ее сестре Наталье, маме Арины.

– Они родные сестры? – уточнила Лиза.

– Конечно, родные. Внешне и по характеру не похожие, но родились от одной матери и одного отца. Так вот, Наталья жила в Верх-Иланске и прекрасно знала о теневой стороне отношений между мной и Мариной. Поняв, что у меня с ее сестрой нет никаких перспектив, она стала решительно... Как бы сказать-то... В общем, она довольно откровенно предложила взять ее в жены вместо Марины. Но это еще не все. Отец Натальи раньше всех разобрался в ситуации и сказал Наташе, чтобы она не мучилась сомнениями, не искала неизвестно чего, а выходила за меня замуж.

– А вы, Андрей Николаевич? Как вы отнеслись к замене сестер?

– Честно говоря, положительно. Синица в руках всегда лучше журавля в небе. К тому же Наталья была девушкой симпатичной, хозяйственной, из приличной семьи. Чем не жена?

– А любовь, о которой вы только что упоминали?

– В небольшом неблагоустроенном поселке быть стоит выше любви. Цинично, но это факт.

– Две сестры, – иронично улыбнулась Лиза, – обе бегают за вами...

– Намек понял. Разъясню. Я никогда не считал себя писанным красавцем, за мной не стояла и не стоит финансовая мощь родительской семьи. Я – сам по себе. В городе я – один из тысяч холостяков, которые в принципе относятся к одной ценовой категории. Но это в городе. В поселке же все не так. В Верх-Иланске холостой непьющий мужчина с собственным жильем – это завидный жених. Есть такая поговорка: «Мужчина чуть-чуть симпатичнее обезьяны – уже красавец». Ее стоило бы дополнить: «А с собственным жильем – уже принц». Быт, жилье – в поселке более приземленные нравы: есть где жить, детей родить сможете? Ну и живите.

– А кроме сестер в Верх-Иланске больше не было симпатичных девушек?

– Были, конечно, и я ловил на себе призывные взгляды, но семья Антоновых так все обставила, что я фактически ни дня не был свободным мужчиной. Вначале весь поселок был убежден, что я со дня на день женюсь на Марине, а потом появилась Наталья. Верх-Иланск – это небольшой обособленный социум. Кому надо лезть в чужие дела? Соседи не поймут. Если бы в меня какая-то девушка влюбилась пылко и страстно и пошла наперекор общественному мнению, вот тогда – да, тогда бы ситуация изменилась, и сестры Антоновы, скорее всего, отступили бы. Но я уже говорил, что в Верх-Иланске «любовь» – понятие довольно абстрактное. Корова, огород, прополка, поливка – где здесь место для любви?

– Все шло к вашей свадьбе с Натальей, но вы так и не женились на ней?

– Дальше все будет еще круче и запутанней. Я не зря рассказал вам про марабу. Не зная истории с марабу, невозможно будет понять логики дальнейших событий. Итак, в октябре того же года Наталью захватил в заложники один полусумасшедший тип. При ее освобождении он взорвал гранату. Отец Натальи погиб на месте, меня посеколо осколками, а с самой Наташи наполовину сорвало скальп. Выглядела она вот так: здесь есть волосы, а здесь – голый череп.

– Ужас! – Елизавета прикрыла рот ладошкой. – Вы рассказываете чудовищные вещи.

– Итак, вот здесь в меня вошел осколок гранаты. – Я бесперемонно задрал футболку и показал шрам на груди. – Пневмоторакс! Перед тем как потерять сознание, я велел Наталье сидеть рядом со мной и зажимать дырку руками. Если бы не ее самоотверженность, я бы сейчас не сидел перед вами. Наталья спасла мне жизнь, за что я всегда буду ей безмерно благодарен.

– А что было с ней с самой, с Наташей?

– От взрыва у нее произошла встряска мозгов и, как следствие, появились небывалые способности к математике. Была Наталья скромной поселковой библиотечаршей, стала талантливим программистом.

– Я не о том. Как она стала выглядеть после скальпирования черепа?

– Шрамов у нее на лице практически не видно. Все изменения во внешности Натальи коснулись только цвета волос на голове. На той половине, где кожа была оторвана, волосы навсегда стали седыми, а на остальной части головы остались прежними. Теперь она если не подкрасится, то наполовину будет брюнеткой, а наполовину блондинкой. У ее матери, кстати, с рождения один глаз голубой, а другой карий. Но это так, к слову.

Вернемся к быту. После ранения меня и Наталью перевезли в город. Я лежал в одной больнице, она – в другой. Марина, узнав о моем ранении, стала выхаживать меня. После выписки я переехал к ней жить.

– А как же Наталья? – изумилась Лиза.

– Старшая сестра была более активна, и все вернулось на круги своя. Наталья, как бы сказать, была не в претензии... Пожалуй, все не так. Что-то слишком негативно я выгляжу во всей этой истории. Дело было вот в чем: Наташа никогда не говорила мне, что любит меня или что хочет за меня замуж. Все это как бы подразумевалось, но вслух не произносилось, а Марина конкретно сказала: «Переезжай ко мне!» Кого я должен был выбрать: синицу в руках или журавля в небе?

– Не знаю, – с сомнением покачала головой Елизавета. – Вы, Андрей Николаевич, какой-то попрыгунчик – туда-сюда, от одной сестры к другой и обратно.

– Слушайте дальше, на этом моя история еще не закончена. После выписки из больницы мои дела пошли на лад: я получил комнату в семейном общежитии и перевелся на работу в милицию Кировского района. С Мариной, не расписанные, мы прожили практически год, и наступил момент, когда я понял, что нам надо расстаться. Я и Марина – совершенно разные люди, у нас нет общих интересов, а жить ради условностей, без любви – это пошло.

– В далеком поселке вы были почему-то другого мнения.

– И в Верх-Иланске все закончилось бы точно так же. «И опыт, сын ошибок трудных»! Вот опыта-то мне, по молодости лет, не хватало. На каком-то этапе своей жизни я проявил слабость и пошел на поводу у обстоятельств, потом спохватился и вернул все в соответствие со своими внутренними убеждениями. Но перед этим я сделал еще один необдуманный поступок – от Марины перешел жить к Наталье.

– С ума сойти! И она вас приняла?

– Ненадолго. Через три месяца совместной жизни Наталья выгнала меня, и правильно сделала. После взрыва у нее появилась повышенная внутренняя энергетика. У меня же с рождения энергия брызгала через край, и марабу тому наглядное подтверждение. Мужчина и женщина с повышенной энергетикой нормальную семью создать никогда не смогут. Они будут находиться в состоянии перманентной борьбы за доминирование в семье – а это что угодно, только не семья в общепринятом смысле слова. В данном случае внутрисемейная борьба разрушит любой быт, и я это, слава богу, вовремя понял.

– Вы же только что сказали, что это мама Арины выгнала вас, а теперь утверждаете, что все было наоборот?

– Наталья первая сказала то, что готовился ей сказать я. Итак, на этом мое метание между сестрами закончилось. Марина вышла замуж и родила девочку. Наталья нашла себе подходящего мужчину и подала с ним заявление в ЗАГС. Накануне свадьбы она пришла ко мне в общежитие и предложила в последний раз заняться любовью. Плод этой ночи спит в соседней комнате.

– А как же ее муж? – прошептала изумленная Елизавета.

– Он считал, что Наталья беременна от него. Если бы он дожился до рождения Арины, то тут мне трудно сказать, как бы он повел себя. Наталья, как и ее муж, кареглазые, а Арина голубоглазая. Согласно закону Менделя, у кареглазых родителей не может быть голубоглазых детей.

– Ну, это как сказать! – возразила Лиза.

– Скорее всего, муж Натальи пошел бы по пути отрицания закона Менделя, но до рождения дочери он не дожился. Запутался в нехорошей истории с кочевниками-люли и покончил жизнь самоубийством.

– А как сейчас... Вы? Арина?

– После рождения дочери я и Наталья заключили устное соглашение. Я признал Арину своей дочерью. Здесь дело вот в чем: юридически никто и никогда не смог бы доказать мое отцовство: в момент зачатия Арины ее мать была замужем, а закон Менделя в нашем семейном кодексе не прописан. Я не стал подличать и признал Арину своей дочерью, а Наталья не стала подавать на меня на алименты. Вот так мы и живем. Я – приходящий отец, Арина – моя временная дочь.

– Почему временная? – серьезно спросила Лиза.

– Наталья активно ищет себе нового мужа. Подозреваю, что мужской костюм, который мы видели, предназначен для ее нового избранника. Как только Наташа выйдет замуж и ее новый муж удочерит Арину, я исчезну. У девочки должен быть один отец. Я в новой пьесе буду лишним персонажем.

– Мне пора. – Гостя поднялась с места, поправила юбку. – Крепитесь, Андрей Николаевич, вас ждет трудная ночь. Арина будет метаться от высокой температуры, будет стонать, но к утру состояние ее улучшится, и температура сама по себе пойдет на спад.

– Елизавета Владимировна, я благодарен вам за дочь и за то, что вы выслушали мою короткую исповедь. Человеку иногда надо выговориться.

– Андрей Николаевич, вы были так откровенны со мной, что мне, право, неловко. Я не представляю, как встречу с мамой Арины...

– Эффект купейного знакомства. Пассажиры в поезде пребывают в замкнутом пространстве. За сутки-другие они успевают рассказать друг другу самые сокровенные тайны. Их откровенность базируется на простом постулате: они живут в разных городах, сойдут на разных станциях и больше никогда не увидят друг друга. Временный попутчик – лучший собеседник.

Мы прошли в комнату, врач поставила спящей Арине градусник.

– Елизавета Владимировна, не могли бы вы прийти завтра утром, посмотреть, как у Арины дела? Я без вас как без рук. Я могу в точности выполнить любые указания, но сам лечить ребенка не возьмусь.

– Ее не надо лечить. Нарушение теплообмена пройдет само собой. – Она посмотрела градусник, протянула его мне. Температура была уже 39,5.

– До скольких градусов температура будет расти? – Мой голос вновь стал тревожным. В присутствии врача я был защищен от принятия самостоятельных решений, а вот с ее уходом я буду обречен на борьбу с теплообменом один на один.

– На пике роста температура может подняться до сорока одного градуса или немного выше. Звучит, конечно, чудовищно, но вы должны пережить это.

– Елизавета Владимировна, придите завтра! – начал нервничать я. – Ей-богу, я не последний человек в нашем городе, я всегда найду, чем отблагодарить вас за помощь и участие. Я могу помочь пройти техосмотр для вашего автомобиля, могу вытащить вашего приятеля из вытрезвителя...

– Андрей Николаевич, – рассердилась Лиза, – у меня нет знакомых, которые попадают в вытрезвитель!

– Каюсь! – прижал я руку к сердцу. – Чушь сказал, не подумал. Прошу прощения. Но, Лиза, вы же не бросите меня? Представьте, какие удары преподносит мне судьба: то марабу клюнул, то у ребенка теплообмен нарушился. Вы же врач, Лиза, вы земное воплощение древнегреческой богини доброты... Запомнил ее имя, но она такая женственная, красивая, на вас похожа. Она врачевала древнегреческих детей, когда они перегревались на солнце. Лиза! Будьте милосердны, придите завтра утром. В воскресенье приедет мама Арины, и все бремя заботы о ребенке перейдет к ней, а пока я за малышку в ответе, а я без вас беспомощен. Я даже... Вот черт!

Я перестал упрашивать доктора и пошел на кухню, открыл холодильник. Так и есть! Наталья ничего не оставила нам на обед. Она рассчитывала на столовую, а с больным ребенком куда я пойду?

– Что случилось, Андрей Николаевич? – пришла за мной следом Лиза.

– Мамаша Арины перед отъездом попрекала меня, что в моем холодильнике только колбаса для бутербродов есть. А у самой? Чем мне завтра девочку кормить? Вариант со столовой отпадает. Манную кашу я варить не умею.

Лиза посмотрела в холодильник, проверила морозильную камеру.

– Здесь курица есть, – сказала она.

– Что курица, что кирпич – для меня все едино. Я не умею ни жарить, ни варить, ни запекать.

– Как же вы один живете? – удивилась врач. – Если жить на одних бутербродах, то можно желудок испортить.

– У всех ментов к сорока годам появляются проблемы с пищеварением. Профессиональная болезнь. У шахтеров силикоз, у нас – гастрит. Но суть не в этом. Я-то на подножном корме проживу, а вот Арина...

– Вы хотите, чтобы я пришла завтра и сварила девочке манную кашу?

– Хочу! Елизавета, я могу на колени встать. Придите завтра и спасите моего ребенка от голодной смерти. Лиза, я вижу по глазам, что вы согласны.

– Я, право, не знаю, – неуверенно сказала она. – Не подумайте, что...

– Лиза, – я вновь картинно схватился за сердце, – маленький беззащитный ребенок нуждается в вашей помощи. Пожертвуйте субботой, сварите девочке манную кашу!

Гостья вздохнула, посмотрела мне в глаза.

– Хорошо, я приду, – негромко сказала она. – Ждите меня часам к десяти. Ночью не забывайте менять белье и давать девочке пить. Обтирайте ее мокрым полотенцем и не смотрите каждую минуту на градусник, от этого температура не спадет.

Глядя на Елизавету, я подумал: «А не поцеловать ли ее на прощание? Так, по-дружески, в щечку?» Она что-то прочитала в моих глазах, смутилась, стала торопливо обуваться.

– До свидания. – Она протянула мне мягкую теплую руку.

– До свидания, – легонько, чисто символически, пожал я ее ладонь.

После ухода врача я взял выписанный ею рецепт. Название лекарства мне ничего не сказало. Скорее всего, Лиза выписала Арине какие-то общеукрепляющие микстуры. Меня интересовал оттиск личной печати врача. «Кононенко Елизавета Владимировна». Отлично!

Я ладонью проверил температуру у дочери, сходил на кухню, покурил.

Классик советской детективной литературы Юлиан Семенов писал, что шеф гестапо Мюллер всегда доводил любое начатое им дело до конца. Даю гарантию, что Юлиан Семенович не был лично знаком с Мюллером и не мог знать его привычки. Давая характеристику шефу ведущей немецкой спецслужбы, писатель Семенов наделил его теми качествами, которыми должен обладать настоящий контрразведчик. Не враг, но профессионал, мастер своего дела.

– Юлиан Семенов плохому не научит! – сказал я телефону и набрал номер областного адресного бюро. На удивление, дежурная по картотеке ответила довольно быстро.

– Здравствуйте! «Север», – назвал я пароль. – Меня интересует Кононенко Елизавета Владимировна.

Минуты две или три дежурная искала нужную карточку.

– Алло? – проверила она связь. – У нас в области две Кононенко Елизаветы Владимировны. Одна тысяча девятьсот сорок девятого года рождения, другая – тысяча девятьсот шестьдесят второго. Вас какая из них интересует?

– Тысяча девятьсот шестьдесят второго. Она в областном центре прописана? Диктуйте, меня интересуют все данные на нее.

– Кононенко Елизавета Владимировна, пятого июня тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения...

Сотрудница адресного бюро зачитала мне все сведения с адресной карточки от начала до конца. Даже номер паспорта продиктовала, но я не стал его записывать. Такие тонкости меня пока не интересовали.

– Все или еще что-то? – поинтересовалась дежурная.

– Она не меняла фамилию? – как бы между делом спросил я.

– Нет. Как в шестнадцать лет получила паспорт на фамилию Кононенко, так с ним и живет.

Поблагодарив дежурную, я вернулся на кухню, заварил себе крепкий чай, закурил.

«Колечко на правой руке Елизавета носит для того, чтобы отпугивать излишне ретивых ухажеров. Слава богу, что я не полез к ней целоваться! Ничего бы страшного не произошло, но к чему эта поспешность? Никого у нее нет, и у меня никого нет... Странно, что Итальянец

не перезвонил. Не завидую я ему. Представляю, какая в воровских кругах сейчас нервная обстановка – Лучик при смерти, хоронить не на что, общаковские деньги неизвестно где».

В комнате зашевелилась проснувшаяся Арина. Я затушил сигарету и пошел к дочери. Ночь испытаний наступила.

Глава 8. Испорченный выходной

Лиза пришла в десять часов, минута в минуту. Похвальная пунктуальность. Я сам всегда стараюсь быть точным, а людей, постоянно опаздывающих на встречу, считаю разгильдяями, не способными разумно распорядиться своим собственным временем.

– Как погода? – спросил я гостью.

– Когда я выходила из дома, шел легкий снежок. Что за весна в этом году? Давно пора теплу установиться, а на улице то холод, то слякоть.

Я принял у Лизы пальто, повесил в шкаф. Она подошла к зеркалу, привела в порядок прическу. Прошлый визит начался с мытья рук, этот – с наведения марафета.

– Как у нас температура? – спросила она.

– Пять минут назад была тридцать семь и восемь. Ночью, часа в три, доходила до сорока одного градуса.

– Принесите чайную ложечку. Посмотрю, не обметало ли у малышки горло.

Из женской сумочки Лиза достала стетоскоп, прошла в комнату. Арина, уставшая от ночных кошмаров, встретила тетю-врача с улыбкой.

– Тебе уже легче? – спросила Елизавета Владимировна. – Как у нас лобик, горячий? Ничего, скоро температура спадет, и ты сможешь покушать. Арина, противный вкус во рту прошел или все еще отдает кислинкой?

Лиза осмотрела у Арины горло, послушала, как бьется сердце.

– Андрей Николаевич, приготовьте девочке сухое белье и застелите кровать свежей простыней. Пошли, Арина, примем водные процедуры.

Доктор взяла дочку на руки и унесла в ванную. Через несколько минут оттуда донеслось протестующее мычание.

«Наверное, это не очень приятно, когда ты температуришь, а тебя обтирают прохладным, мокрым полотенцем, – подумал я. – Мычит Арина громко, так и говорить скоро начнет».

Уложив дочку общими усилиями в кровать, я и Лиза пошли на кухню пить кофе.

– Я хотела по дороге купить молоко, – сказала она, – но в магазины еще не завозили молочную продукцию. Обещали часам к двенадцати выставить.

– Ничего, я сбегаю.

В прихожей зазвонил телефон.

«Наверное, Итальянец», – подумал я и снял трубку.

– Алло?

– Здравствуй, Андрей Николаевич!

Я замер. Это был Малышев. Это была катастрофа, крушение всех моих планов на сегодняшний день. Вторжение жестокого внешнего мира в уютную квартирку Натальи состоялось.

«Почему, почему именно сегодня? – промелькнула мысль. – Синусоида, ты что, не могла изогнуться завтра? Какого черта ты препятствуешь мне побыть вдвоем с этой милой, отзывчивой девушкой?»

– Что ты молчишь? – спросила трубка.

– Жду неприятностей, – ответил я.

– Как здоровье у дочки? – Николай Алексеевич старался выглядеть заботливым начальником, но это у него плохо получалось. – Андрей Николаевич, у нас новое ЧП. В садовом массиве, между городом и аэропортом, нашли два трупа.

– Николай Алексеевич, я понимаю, два трупа – это серьезное происшествие, но нельзя ли сегодня как-то без меня обойтись?

– Оба трупа обнаружены в садовом домике, принадлежащем адвокату Машковцову. Его автомобиль стоит там же. Андрей Николаевич, собирайся, поедешь на место, возглавишь нашу бригаду.

– Николай Алексеевич, а нельзя вместо меня Клементьева направить? – с легким раздражением спросил я.

– Когда ты станешь начальником городского уголовного розыска, тогда и будешь принимать решения, кого куда отправить. – Малышев отбросил участливые нотки и перешел на командно-повелительный тон. – Собирайся, минут через десять машина будет у подъезда. Тебе на замену я пришлю идээнщицу. Случись что, «Скорую помощь» вызвать у нее ума хватит.

– Она умеет манную кашу готовить? – мрачно спросил я.

– Все женщины умеют манную кашу варить, – парировал начальник. – Собирайся, машина уже вышла.

Я постоял с телефонной трубкой в руках, выругался от избытка чувств, пошел на кухню.

– Лиза, – я сел напротив девушки, аккуратно положил свою руку на ее ладонь, – в четверг в нашем городе убили трех человек. Преступники, убив взрослых, стреляли в девочку лет двенадцати, но у них оружие заело, и она осталась жива. Сегодня в доме человека, который организовал эту кровавую бойню, обнаружили еще два трупа. Начальство требует, чтобы я выехал на место происшествия.

Она молча смотрела на меня. В глазах Лизы я прочитал целую гамму чувств: изумление, восхищение, недовольство и недоумение. Если перевести ее мысли в слова, то она хотела сказать примерно следующее: «В нашем городе происходят такие чудовищные преступления? Андрей Николаевич, так вы, оказывается, интереснейший человек: мужественный, талантливый, рискованный. Без вас ваши коллеги как без рук. Только при чем здесь я? Мы договаривались кашу ребенку сварить, но не более».

– Лиза, моим начальникам наплевать на мою больную дочь. Сами слышали, мой босс посылает сюда идээнщицу. Он считает, что лейтенант в юбке с педагогическим образованием – это лучшая сиделка для больного ребенка. В другой обстановке я бы согласился с ним. Но когда речь идет о моей дочери, я – против.

– Андрей Николаевич, а кто такая идээнщица?

– Инспектор по делам несовершеннолетних. Специалист по трудным подросткам. В уходе за больными детьми она так же соображает, как я в разведении свиней йоркширской породы. Лиза, я не могу оставить ребенка с посторонним человеком. Мне не на кого больше надеяться, кроме как на вас. Посидите с Ариной. Я постараюсь быстро управиться, взгляну на трупы, прикину, что там к чему, и рвану назад. Лиза, я компенсирую вам эту испорченную субботу. Я буду ваш должник на веки вечные.

– Если бы не вчерашний рассказ о птице марабу, то я подумала бы, что попала в театр абсурда. Мы с вами знакомы второй день, и вы уже оставляете на меня квартиру, которая вовсе не ваша. Вы хотите уехать по служебным делам и убеждаете меня, что мы настолько близкие с вами люди, что я с радостью должна согласиться сидеть с вашей дочерью, которая со дня на день перестанет быть вашей дочерью. Вы всегда живете в таком запутанном мире?

– Нет. Сегодня просто стечение обстоятельств. Мама Арины поехала искать свое счастье, а я, по ее воле, остался в дураках. Коварная синусоида испытывает меня на прочность. Вместо того, чтобы наслаждаться обществом симпатичной умной девушки, она посылает меня в мир грязи и смерти.

– Как все загадочно! – Лиза с сомнением покачала головой. – Андрей Николаевич, пока за вами не приехали, объясните, а при чем здесь синусоида, да еще коварная?

– Синусоида, – нравоучительным тоном сказал я, – это не только математическая фигура, но еще и социально-философское понятие, объясняющее динамику развития человеческой жизни. Я имел честь лично знать старика Кусакина, величайшего философа нашего времени.

Именно старик Кусакин первым объяснил взаимосвязь между синусоидальностью жизненного пути человека, его жизнью и смертью, полетом души человека к звездам либо низвержением ее в ад, в пустоту. Будет время, я расскажу вам об учении старика Кусакина. Оно верно в своей сущности, потому что опровергнуть его невозможно.

Пока я разглагольствовал, Лиза смотрела на меня по-детски широко раскрытыми глазами. Представляю, какой сумбур сейчас творился в ее голове: «Старик Кусакин, синусоида, больной ребенок, полет к звездам и трупы где-то на окраине города. Черт знает что!»

«Ничего, девочка, крепись! – подумал я, наблюдая за ее реакцией. – Ты еще не такого от меня наслушаешься. Бог даст, я тебе еще и ложку старика Кусакина покажу... А пока, как я вижу, ты готова принять мое предложение».

В дверь позвонили. Я посмотрел девушке в глаза и прочитал в них внезапно появившееся веселье. Оно и понятно! Любое приключение – это азарт, кураж, легкость мыслей и действий.

– Лиза, я уезжаю. Арина остается на вас. Я постараюсь приехать как можно быстрее.

Не дожидаясь ее ответа, я пошел в коридор и открыл дверь. Первым в квартиру вошел оперуполномоченный Максимов, шустрый парнишка невысокого роста. За ним – инспектор ИДН Валиахметова, габаритная женщина лет сорока.

– Привет, Андрей Николаевич! – Максимов рукой изобразил «салют». – Замену тебе привез!

– Где больная девочка? – строго спросила идээнщица.

– Андрей Николаевич, – не выходя из кухни к гостям, сказала Лиза, – мы же договорились, что с Ариной я посижу.

Опер и идээнщица переглянулись.

– Ну, мы это, вниз пошли, – смущенно сказал Максимов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.